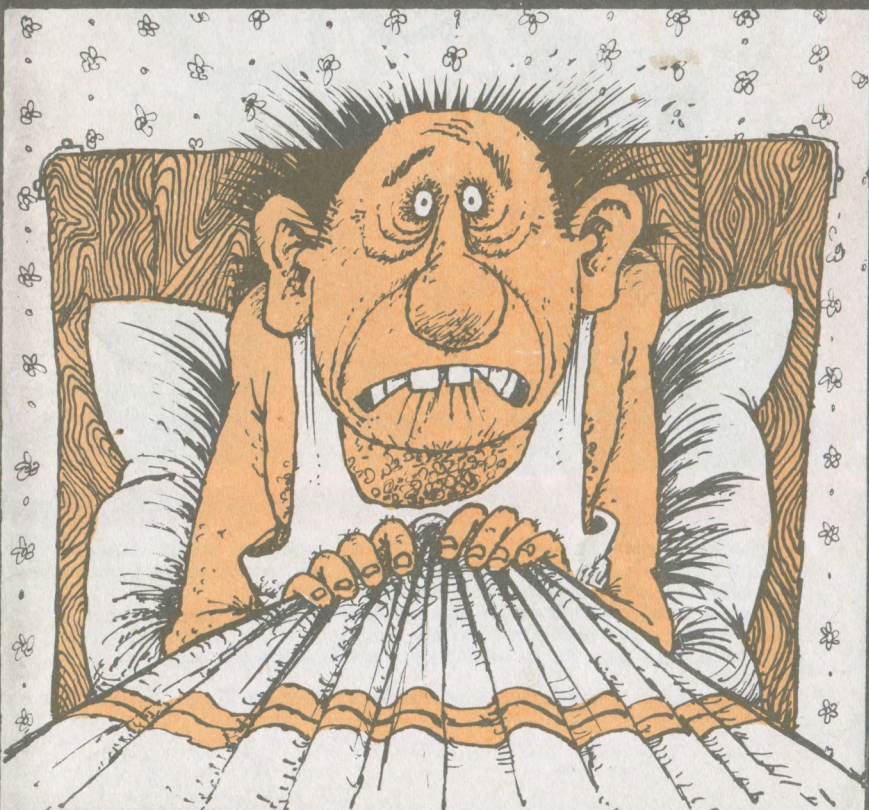
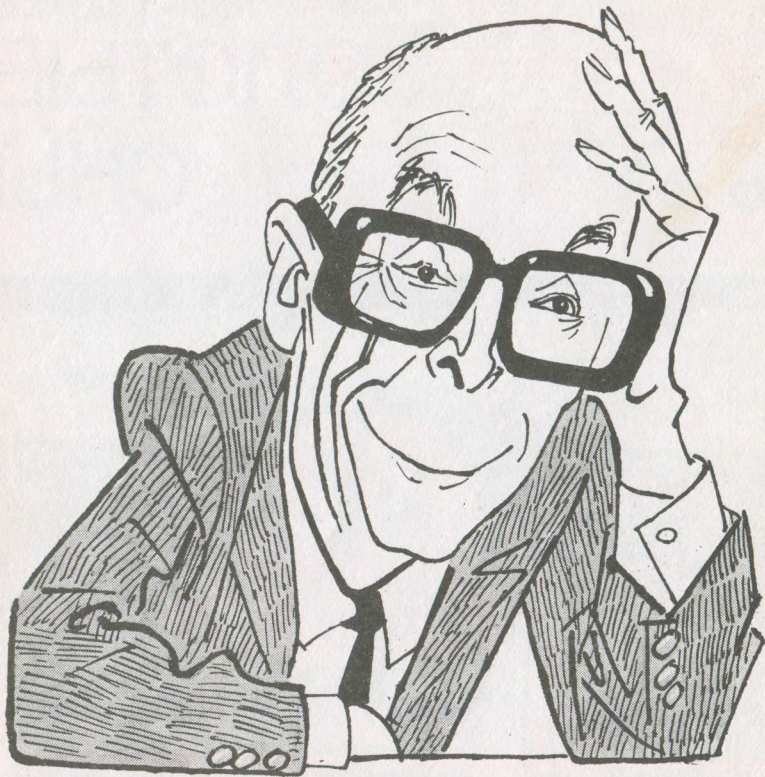

№ 18

Леонид НАУМОВ
**ЗОЛОТЫЕ
СНЫ**

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА

Давным-давно Герцен сказал: «Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых».

Автор поверил, сделал это высказывание Александра Ивановича своим кредо, приладившись к сатирической пушке, однако «важная развалина» все еще не рухнула, хотя артподготовку ведет не одно орудие.

Будем ждать и надеяться, как завещал нам граф Монте-Кристо.

А. Герцен

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 18
(1102)

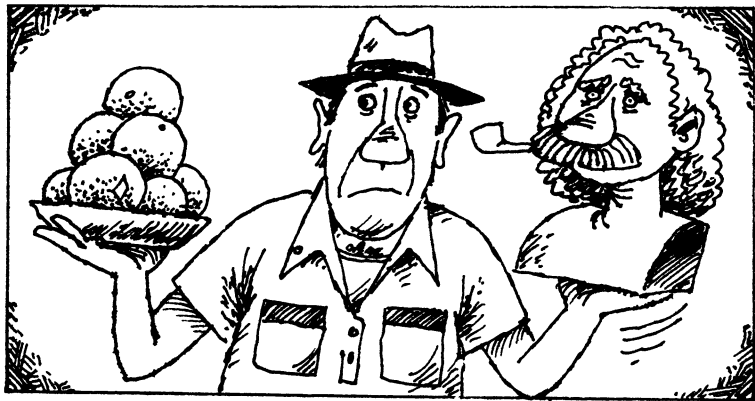
ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

Леонид НАУМОВ

ЗОЛОТЫЕ СНЫ

Рисунки И. НОВИКОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1990**

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Образованному живется на свете легче. Если какая неувязка, он тут же с ней по науке разберется и безо всякой нервотрепки, поскольку знает разные теории, которые можно применить в практической повседневности. И теория относительности, к примеру, для него не темный лес, а обычная штука вроде расчески — причесался, сунул в карман и шагнул дальше!

Лично я с теорией относительности никогда не сталкивался. Слышал, что есть, верно, так ведь и у нас, и за рубежом много чего напридумали, за всем не уследишь! Помню, лет пять назад, когда на работе еще можно было выпивать, один хмырь пытался мне ее растолковать, но в это время рядом анекдот рассказывали, и я отвлекся. А не так давно жизнь меня с этой теорией напрямую свела.

Все началось с мандаринов. Ехал я как-то с работы домой, было еще светло, сошел с автобуса, до дома рукой подать, гляжу, у остановки громадная очередь. Поинтересовался, оказалось, мандарины дают. Хорошие мандарины, крупные, спелые, поэтому, наверное, их люди целыми сумками брали.

Короче, соблазнился я, нашел крайнего и стал за ним в хвост. Решил, пусть семья мандаринами побалуется, в них витаминов — пропасть! Долго стоял и все волновался: вдруг не хватит? Однако зря сомневался, мандаринов было много, всем досталось, даже тем, которые после меня пришли.

Тем временем стемнело. Пошел я домой, как вдруг меня досада разобрала. Это же надо — два часа на мандарины ухлопал! Выходит, даром

с работы пораньше ушел, времени остается поесть, телевизор посмотреть, а там и спать пора.

И тут повстречался мне Пал Сергеич, который в нашем доме живет. Между прочим, очень толковый мужик, про любое рассказать понятно может и вообще много знает. Еще он по характеру спокойный, никогда не сердится, если в доме горячую воду отключат или лифт не работает. Все путем, разъясняет жильцам, все по науке, вот если бы было наоборот, тогда удивительно.

Выслушал Пал Сергеич про мандарины, потом глаза закатил, прикинул что-то в своей голове и сказал:

— Два часа, говорите? Нормально. Товар редкий, везут издалека, нет, два часа нормально. Я в воскресенье за картошкой час двадцать простоял, тут перебор, а на мандарины два часа — нормально! По теории относительности никакого нарушения не усматриваю.

— Извините, Пал Сергеич, — я смутился, — но эту вашу теорию я в свое время плохо усвоил. Может, напомните?

— Охотно, — кивнул Пал Сергеич. — Скорость получения единичного блага — величина постоянная.

— Это как же понимать?

— Так и понимать. Жизнь наша какая? Не бывает ведь, чтоб чего захотел — и пожалуйста! Людей много, всем надо, а не хватает, значит, очереди. Иные по десять лет квартиру ждут, по пять телефон, по три года к мебельному гарнитуру стремятся, верно?

— Точно! — согласился я. — Братан двенадцать лет квартиру ждет, пока не светит...

— Вот видите! — прервал Пал Сергеич. — А вы два часа пожалели. Пустяки ваши два часа! Мелочь!

— Сравнили! — возразил я. — Квартира же не мандарины!

— Так ведь и два часа не двенадцать лет! — улыбнулся Пал Сергеич. — Разная ценность предмета, разные сроки ожидания. Нет, теорию относительности не дурак придумал! Хотел людям добра, чтобы ориентировались в обстановке и не ныли понапрасну. Некоторые воруют, а за чем? Чтобы потом в тюрьме сидеть? Невыгодно это по теории относительности. Лучше днем работать, а вечерами пиво пить.

— Трудно сейчас с пивом, — произнес я с сожалением.

— Достать можно, — отозвался Пал Сергеич, — коли не нервничать и на стрелки часов не смотреть.

— Этак вся жизнь пройдет! — вдруг испугался я.

— А на кой она нужна, если все на блюдечке поднесут? — удивился Пал Сергеич. — От скуки сдохнем! Просто считать надо и с теорией относительности сверку производить.

После того разговора с Пал Сергеичем стал я все считать и прикидывать, но положительных результатов так и не добился. К примеру, очередь вроде бы всего ничего, так продавщица медленно отпускает, вдвое больше стоять приходится, чем рассчитывал. Словом, ни разу не получи-

лось, чтобы я в выигрыше остался. И на работе такая же картина. То одного не завезли, то другого, ждем, простаиваем, и ребята ругаются нехорошими словами, поскольку из-за этого прогрессивка дымится.

Вконец я извелся с этой теорией и решил на нее плюнуть — здоровье дороже! Либо я по необразованности чего-то в ней недопонял, либо тот мужик промахнулся. Не может быть скорость постоянной! Зачем тогда на самолетах летать, ходили бы пешком! И квартиры люди по-разному получают: одни годами ждут, а другие сразу же въезжают, да еще в дом с улучшенной планировкой.

А те мандарины, с которых все пошло, оказались невкусными, видно, их мороз прихватил по дороге с юга. Жена немного поворчала, но выход из положения нашла — сварила из них компот.

СМЕТАНА

Помните классический образец крайнего невезения? Правильно. Когда кирпич свалился на голову. Впрочем, ученые подсчитали, что такое случается на планете весьма редко, — всего один раз в сто пятьдесят лет. Пусть вероятность ничтожно мала, но все-таки!

А вообще-то невезучих людей достаточно. Скольким, например, не удалось выиграть автомобиль по денежно-вещевой лотерее, подписаться на собрание сочинений французского писателя Эжена Сю или провести отпуск на Подветренных островах. Стенания таких обойденных можно постоянно слышать на разного рода юбилеях, вечеринках и иных сборищах.

Однако есть еще неудачники другого рода. У них нет высоких желаний, нет и непомерных претензий или безжалостных требований к человечеству. Они живут без особых взлетов фантазии, любят свою квартиру с удобствами, палас у кровати и цветной телевизор в столовой. Они ходят в гости к родственникам или к знакомым с детьми, пьют чай с вареньем, беседуя о погоде, о рыночных ценах на овощи, о планах на лето и прочих разностях. Они понятия не имеют о своей неудачливости, наоборот, уверены, что все складывается замечательно, и, чтобы сохранить достигнутое и не спугнуть близкое к осуществлению, суеверно постукивают по дереву или по собственным головам.

К таким-то и принадлежал Гуликов. Утром он шел на работу, не пользуясь общественным транспортом, чтобы подышать воздухом, вечером возвращался домой, читал «Футбол — Хоккей», смотрел телевизор, по субботам и воскресеньям ложился после обеда соснуть на часок и был совершенно всем доволен. Отпуск семья Гуликовых проводила в деревне у тетки Натальи, три часа на электричке, затем сорок минут автобусом, а далее километра три пешком, если по дороге не подвернется грузовик или порожняк подвода.

Так и жил-поживал Гуликов, не подозревая о своей незадачливости, покуда все шло по раз и навсегда заданному порядку. Но жизнь на то и жизнь, чтобы устраивать порой неожиданные повороты. Как-то в субботу утром жена Гуликова затеяла блины. Замесила тесто, поставила его подниматься, как вдруг вспомнила, что дома нет сметаны. А блины без сметаны, сами понимаете! И послала мужа в ближайший магазин.

В магазине напротив их дома сметаны не оказалось. Не было ее и в другом магазине подальше. А в третьем на вопрос Гуликова, куда подевалась сметана, продавщица ответила:

— Как открылись, ее навалом было. Разобрали!

Гуликов вышел из магазина и остановился в задумчивости. Надобность в сметане была очевидна, а главное, не хотелось огорчать жену, она вела все хозяйство и очень редко о чем-либо просила. И тут он увидел тучную женщину, проходившую мимо с раздувшейся сетчатой сумкой, в которой среди прочих продуктов дразнились знакомые пластмассовые коробочки.

— Извините,— обратился к ней Гуликов.— Вы где сметану покупали?

— В молочной за углом.— Женщина остановилась.— Только ее больше нет, кончилась, последнюю захватила.— И, поглядев на Гуликова с торжеством, пошла своей дорогой.

Гуликов вздохнул и поехал в центр города, где находился самый крупный продовольственный магазин. Сметаны там тоже не было, зато весь просторный молочный отдел был завален кефиром в картонных пакетах, который покупатели расхватывали в необъяснимых количествах. Гуликову тоже захотелось приобрести кефир, жена говорила, что это дефицит, когда в пакетах, поскольку не надо сдавать бутылки, но сдержал себя и отправился к директору магазина.

Прорвавшись в директорский кабинет, Гуликов невольно оробел. Такой кабинет он видел в кинофильме, передававшемся по телевидению, у президента небольшой страны со значительной плотностью населения на один квадратный километр. Правда, сам директор на экранного президента похож не был. Директор был маленький, белобрысый, суетливый, словом, какой-то ненастоящий, и бегающие глазки его выражали подозрительность, деловитость, беспокойство и наглость одновременно. Услыхав про сметану, он развеселился:

— Вы что? Всерьез? Думаете, оставляю сметану в заנачке? Для знакомых? Все до капли продаем! План по сметане к десяти утра выполняем. Раньше два завоза сметаны было, а теперь только один, вечерний. Из-за транспорта. И кто сказал, что это сметана? Вы пробовали когда-нибудь сметану?!

Гуликов смотрел на директора во все глаза. Действительно, какого дурака он сваял! Конечно, он пробовал! Когда они гостили у тетки Натальи, на стол ежедневно подавалась вкуснейшая сметана. Из молока от теткиной коровы Дашки другой сметаны и быть не могло. Вот куда надо

было ехать с самого начала, а не болтаться по магазинам и даром терять время. Впрочем, и сейчас не поздно. Как обрадуется жена, увидев кринку настоящей деревенской сметаны!

И Гуликов помчался на вокзал. К счастью, долго ждать отправления поезда не пришлось. Времени оставалось ровно столько, чтобы купить билет и успеть сесть в последний вагон. Удивило лишь, что вагон оказался не такой, как обычно в электричках, а плацкартный, и в нем не было других пассажиров, только пожилая проводница подметала пол в конце прохода у самой двери.

Поезд тут же тронулся, и проводница подошла к Гуликову:

— Постель брать будете?

— Какой смысл? — приподнял плечи Гуликов.

— Спать.

— Зачем? Некогда.

— Для сна всегда время найдется, — усмехнулась проводница. — Или рубль жалко?

Гуликов устыдился и отдал деньги. Вскоре она принесла влажный комплект постельного белья, одеяло, подушку, положила все это на полку и ушла к каким-то мужчинам, звавшим ее из служебного отсека.

Гуликов сидел и смотрел в окно. Поезд шел быстро. Гуликов даже не представлял, что поезда могут идти с такой скоростью: все мелькало перед глазами, лишь телеграфные столбы ежесекундно судорожно держали провода — вверх-вниз, вверх-вниз.

Он посмотрел на часы и подумал, что проводница была права, можно удобно полежать часа два и подремать, раз уж за постель все равно заплачено. Затем постелил себе, лег поверх одеяла и уснул.

Проснулся Гуликов в кромешной темноте. Некоторое время лежал, пытаясь понять, где он и что с ним произошло, потом ощутил толчки, услышал бешеный перестук колес, все вспомнил и ужаснулся. Конечно, он проспал свою станцию и теперь ехал неведомо куда! Нет, такого быть не могло, на его станции кончалась ветка, дальше железной дороги не было. Стало быть, он сел не в тот поезд? В электричках нет проводников и не дают постельного белья, как это он раньше не сообразил? Но почему тогда проводница не отобрала у него билет, как это делается в поездах дальнего следования?!

Гуликов вскочил, бросился в проход и, пошатываясь и хватаясь за что попало, поспешил на свет, горевший в служебном отсеке. Там сидели уже знакомая проводница и двое мужчин, один в железнодорожной фуражке, другой в широком брезентовом балахоне, и ели сметану.

— Почему не разбудили?! Куда мы едем?! Когда остановка?! — набросился на проводницу Гуликов.

— Не ершись! — остановил мужчину в фуражке. — Ты зачем с нами поехал?

— Как! — растерялся Гуликов. — У меня билет. И на табло моя станция была написана, точно помню.

— А-а-а! — задумался мужчина в фуражке, поставив банку со сметаной рядом с собой. — Наверное, это тот поезд, который после нас. Мы вне графика.

— Не иначе, — кивнула проводница.

— Чего ж ты ему не объяснила? — укорил в фуражке.

— Он не спросил, а мне ни к чему, — зевнула проводница. — Вы же сами говорили, Тихон Тарасыч, чтобы никому не препятствовать и билетов не спрашивать, если полки свободные.

— Говорил, — согласился Тихон Тарасович. — Однако коряво получилось, ни за что страдает человек. Теперь когда еще дома будет!

— Когда?! — Сердце у Гуликова сжалось от страха.

— И-и-и! — протянул Тихон Тарасович. — Этого, мил-любим, даже машинист не знает. Куда путь дадут, туда и поедem. Может, в Барнаул через Вологду, может, в Архангельск через Симферополь. Задача, чтоб гнать без остановок, план по тонно-километражу довыполнить.

— Что же мне делать? — Гуликов чуть не плакал.

— Не убивайтесь! — пожалела его проводница. — Тихон Тарасыч справку выдаст.

— Выдам, — подтвердил Тихон Тарасович. — По всей форме выдам, на работе не прилипнут. Она решила, что ты командировочный, вот и пустила. Нас инструктировали помогать командировочным, которые по плану километраж недокатали.

— А другие пассажиры в поезде есть? — простонал Гуликов, мечтая обрести товарищей по несчастью.

— Не, — отрицательно покачал головой Тихон Тарасович. — Остальные вагоны товарные. Сметану возем. Вот хозяин. — И показал рукой на человека в балахоне.

— Сметану! — вскричал Гуликов. — Зачем?!

— Не знаю, — равнодушно произнес балахон. — Говорили, в целях правильного регулирования. На бумаге фонды исчерпали, а в наличии сметаны непереворот, хранить негде. Решили, пусть погуляет, коль уж порожняк идет. Договорились начальники друг с дружкой. А мне ее сопровождать предложили. Чего не съездить!

— Она же испортится! — ухватился за логику Гуликов.

— Шут с ней! — возразил равнодушный в балахоне. — Купят! Неужто кто скандалить из-за сметаны станет? Дешевая она. Выбросит — и все дела!

Шли дни, а Гуликова все мотало в этом странном поезде. Он много спал, питался кисловатой сметаной, грыз железнодорожные вафли и сахар, недостатка в кипятке тоже не было. Вечерами все четверо беседовали на всякие темы: о неопознанных летающих объектах, о горячих точках планеты, о сырьевых возможностях Мирового океана и о многом другом. Гуликов обнаружил в себе недожизненную эрудицию, и попутчики внимали ему с уважением.

Поезд пыхтел, вилял, сворачивал то на восток, то на запад, то бросал

ся на север, превращаясь в сосульку, то оттаивал на юге. Однажды днем Гуликову показалось, что состав несется вдоль берега моря, но он никак не мог определить, Черное это море или Белое. Остальные трое тоже ничего не знали, поскольку из-за большой скорости невозможно было открыть окна или разглядеть пейзаж. Так что, если бы не мысли о жене, которая, безусловно, сходила с ума от волнения, Гуликову жилось не без приятности.

Наконец поезд пришел туда, откуда ушел, и Гуликов, получив от Тихона Тарасовича справку с печатью, тепло распрощался с попутчиками и кинулся домой. Человек в балахоне подарил ему на прощание немного сметаны, чтобы Гуликов мог делом доказать, что поручение жены хотя и с опозданием, но выполнено.

Жаль, что встреча супругов не была заснята скрытой камерой! Для человечества пропал истинный шедевр, потому что ни одной актрисе во все века не удавалось так передать ярость, как это сделала жена Гуликова, и ни одному актеру никогда так не выразить раскаяния, как это сумел он сам. Оказывается, жена Гуликова решила, что муж скрылся от нее намеренно, но, как порядочная женщина, не захотела выносить сор из избы и не обратилась за помощью ни в милицию, ни в учреждение, где он трудился. Конечно, ей очень хотелось, чтобы негодяя обуздали или хотя бы приструнили, но женская гордость ее не позволила поддаться такому соблазну.

А на работе отсутствия Гуликова вроде и не заметили. Возможно, кое-кто и заметил, но вслух ничего не сказал. Так что справка с печатью, над которой потрудился Тихон Тарасович, не понадобилась. Лишь старуха кассирша, выдавая ему зарплату, накопившуюся за время путешествия, недовольно пробурчала:

— Не могут вовремя получить! Богатые все стали!

Постепенно страсти в семье Гуликовых после пережитого улеглись, и однажды его жена сказала:

— Невезучий ты, понял? Отныне без меня никуда! Можешь только на работу и обратно. Все внешние связи беру на себя. И к телевизору близко не садись. Говорят, они иногда взрываются.

Так и живет теперь Гуликов на белом свете. И нет у него никаких неприятностей и стрессовых ситуаций, которые всегда чреваты. Потому что если ты никуда и ни к кому, то и к тебе никто.

Правда, иногда Гуликов просыпается среди ночи. Он лежит с открытыми глазами и слушает, как во тьме громко тикают часы. «Тик-так! — утверждают часы. — Тик-так!», и Гуликов понимает, что это идет время. Он начинает думать о поездках со сметаной, которые мчатся в Якутск через Евпаторию или в Саратов через Караганду, а в служебных вагонах сидят люди и рассуждают, есть ли жизнь на других планетах и если есть, то какая. И уже не слышно, как стучат часы: чтобы их услышать, надо прислушиваться, а не быть занятым своими мыслями.

Потом Гуликову надоедает думать о поездках, он поворачивается на бок, устраивается в постели поудобнее и закрывает глаза. В конце концов какое ему до них дело!

А за окном спальни вздыхает город.

ЗОЛОТЫЕ СНЫ

Некоторых по ночам одолевают кошмары. Такое снится, что фильмы ужасов покажутся детской забавой. Просыпается человек среди ночи с тяжело бьющимся сердцем, отирает рукою мокрый лоб и даже не испытывает радости от пробуждения, до того напуган! Лежит на спине, глядя в пронизанную неведомыми опасностями коварную темноту комнаты, и боится снова задремать, дабы не очутиться в ситуации еще более мрачной и безысходной.

Почему так происходит — никто не знает. Медицинская наука пытается объяснить страшные сновидения неустойчивостью психики отдельно взятых субъектов и их пристрастиями к обильным ужинам в позднее время. Пища в желудке, говорит медицина, приподнимает диафрагму, она, в свою очередь, давит на легкие и сердце, а те норовят прижать психику, которая, как известно, находится еще выше. Крепкая психика в таких случаях не реагирует и спит себе без задних ног, а слабая беспорядочно выжимает из мозговых клеток всякую ахинею, в результате чего возникает нелогичный и подчас лишенный оптимизма и принципиальности аморальный кошмар.

Теория, прямо скажем, достаточно стройная, и ей можно было бы довериться, если бы не Федор Кузьмич.

Психика у Федора Кузьмича до предела напуганная и шарахающаяся из одной крайности в другую, наедается он вечерами до отвала и тут же ложится спать, но никаких кошмаров в своей жизни не видал. Наоборот. Сны у Федора Кузьмича легкие, приятные, радостные и зовущие вперед. Прелесть, а не сны! Причем в них нет ни грамма мистики, безответственной фантастики или остросюжетности детективного жанра. Сны Федора Кузьмича насыщены социалистическим реализмом в лучшем значении этих двух прекрасных слов. Во всяком случае, когда он рассказывает содержание своих снов на работе, все слушают разинув рты и причмокивают от удовольствия.

Сослуживцев можно понять. Любо-дорого, например, узнать из сообщений Федора Кузьмича, как добр и обходителен их директор, как тот заботится, пусть в чужом сне, о нуждах родного коллектива. Как замечательно, что во сне Федор Кузьмич видел лифт работающим и никому не надо было по несколько раз в день тащиться на пятый этаж по лестнице! Как четко и организованно функционируют в снах Федора

Кузьмича торговля и сфера обслуживания! В сновидениях Федора Кузьмича не зарегистрировано ни единого случая хамства, воровства, бюрократизма, в них нет трудных подростков, наркоманов, проституток, самогоноварения, очередей, дефицита, инфляции, загрязнения окружающей среды, а равно спекулянтов и взяточников. Один раз во сне Федор Кузьмич даже видел, как врач из районной поликлиники снял в квартире больного пальто и пошел в ванную мыть руки с мылом.

Вот какие приятности переживает Федор Кузьмич с двенадцати ночи до семи утра!..

— Снилось, отличные мужские туфли продавали, — объявил как-то Федор Кузьмич коллегам, усаживаясь за свой стол. — Импортные, на высоком каблуке.

— В каком магазине?! — загорелся сотрудник маленького роста. — Сто лет разыскиваю! Бывает же сон в руку.

— Не помню. — Федор Кузьмич почесал затылок. — Промелькнуло быстро. Почему-то в кафе очутился, и официантка тут же подошла. Вокруг вздыхали. Отменные сны видит человек!

Однажды Федор Кузьмич явился на работу хмурый, молча снял пальто, повесил его на вешалку и стал рассеянно прохаживаться между столами.

— Что с вами? — спросил кто-то. — Неужто драгоценные сны кончились?

— Если бы! — вздохнул Федор Кузьмич. — Под утро приснилось, будто по радио объявляют, что в связи с успехами хозрасчета и самоокупаемости все цены на товары снижены вдвое.

— Прекрасно! — закричали сослуживцы хором.

— Конечно, прекрасно, — кивнул Федор Кузьмич, — если бы не чертов будильник. Как зазвенит!

— Да! — помрачнели коллеги. — Это верно.

А сотрудник маленького роста, который даже во сне никогда не видел красивых мужских туфель на высоком каблуке, раздумчиво произнес:

— Всю ночь кошмары донимали. Один запомнился. Значит, сижу в каком-то аэропорту, все рейсы отменены, вроде бы горючего нет, а толпы людей все прибывают и прибывают, становится нечем дышать. Проснулся — такое блаженство!

ШАРАДА

Путинцев пребывал в состоянии глубокой задумчивости. Постороннему могло показаться, что он смотрит художественный фильм по телевизору, но Путинцев не видел происходившего на экране, мысли его были заняты другим. Так что в данный момент телевизор нес побочную

функцию: предоставлял на время возможность избежать отвлекающих разговоров с женой.

Путинцеву было над чем поразмыслить. Улыбчивое с утра воскресенье катилось под откос стремительно, а завтрашний день представлялся нелегким и даже опасным.

Сложность состояла в том, что на понедельник было назначено собрание, на котором предстояло избрать руководителя их коллектива. Раньше такого еще никогда не было, но новые демократические веяния ломали устоявшиеся традиции. Путинцев понимал, что новация сама по себе прогрессивна: выбранный большинством лидер способен повести за собой людей, создать деловую обстановку, нужный психологический микроклимат и потребовать от каждого четкости, организованности и дисциплины. Как же иначе? Раз доверили — извольте подчиняться!

По схеме все правильно, но ведь совершенно неизвестно, как будут развиваться события на практике. Насколько он знаком с ситуацией, основная борьба развернется между Воронцовым, Гаврюшиным и теперешним начальником Пилипенко. Допустим, у Пилипенко шансов мало, он всем изрядно надоел своим занудством, многим насолил, хотя определенное число сторонников у него есть. Лично Путинцеву Пилипенко не мешал, ничего плохого ему не сделал, но поддерживать Пилипенко означает, во-первых, прослыть ретроградом, а во-вторых, Воронцов действительно был на голову выше Пилипенко. Воронцов умный, справедливый, принципиальный и великолепно знает дело. Конечно, Воронцов — самая подходящая кандидатура, и Путинцев с радостью отдаст свой голос Воронцову, не за Гаврюшина же голосовать!

Многие еще не раскусили, но Гаврюшин — прохиндей каких мало! Горлохват, наобещает с три короба, но ничего не сделает, интриган и склочник. И характер у Гаврюшина мстительный, злобный, хотя он строит из себя рубаху-парня. Внешне Гаврюшин привлекательный, даже не без обаяния, многим женщинам он неосознанно нравится, но Путинцев-то хорошо знает волчью натуру Гаврюшина, давно понял, что тот подсиживает Пилипенко, по углам порочит Воронцова, чувствуя в нем соперника, словом, рвется к власти. Лично Путинцев никогда с Гаврюшиным не конфликтовал, хотя порою очень хотелось, не позволял себе подобной роскоши, опасаясь нажать врага.

Значит, эта часть вопроса решена, Путинцев будет голосовать за Воронцова, но тут возникает главная заковыка: как организуют выборы? Если голосование будет тайным — все прекрасно и замечательно! А если нет? Если Кочеткова, как обычно, закричит, что ей надо в парикмахерскую или в ателье, и женщины, а их большинство, ее поддержат? Им начхать, кто станет начальником, лишь бы не задержаться лишний час на работе. Что тогда? Каждый, естественно, будет на виду. Что может быть хуже открытого голосования!

Тогда уже опасно голосовать за Воронцова: если Гаврюшин одержит верх, он Путинцева с потрохами съест! И поддержать Гаврюшина нель-

зя — как потом смотреть в глаза Воронцову и его сторонникам?! Плюнуть на все и отдать голос Пилипенко? Но это же верный проигрыш с самого начала. Головоломка! Шарада!

Жили себе тихо, спокойно, так нет, придумали — выбирай руководителя! Другое дело, если бы пришел кто-нибудь из вышестоящей организации и сказал: «Вот вам, братцы, начальник — голосуйте!» И проблем никаких.

Говорят, человек должен действовать сообразно убеждениям, следовать велениям совести, чувствовать себя свободно и независимо. Великолепные слова! А материальную базу под эти слова подвели? Не подвели. Больше того. Сейчас повсеместно идет сокращение аппарата, где найдет себе Путинцев место, если возникнет конфликт с Гаврюшиным?

Нет выхода, прямо беда! Ни одна ЭВМ не справится, какую программу ей ни подсунь. Нет еще ЭВМ, которая разобралась во всех тонкостях и хитросплетениях и выдала однозначный ответ. Стоп! Есть такая ЭВМ — вот!

Путинцев хлопнул себя по голове и возбужденно вскочил с кресла.

— Ты что? — удивленно спросила жена, отрываясь от телевизора.

— Ничего! — весело ответил Путинцев. — Не пойду завтра на работу. Возьму больничный лист.

ПУ!

В троллейбусе какой-то неуклюжий дядя наступил Коровкину на ногу. Факт сам по себе пустяковый, в часы пик всегда битком народу, но Коровкин огорчился. Наверное, причина огорчения крылась глубже, он сегодня на работе поцапался с шефом, остался некоторый осадок, поэтому мелочное происшествие так испортило настроение.

Дома жена Александра на его раздраженные жалобы не прореагировала, а велела мыть руки и садиться за стол. Пока супруги ужинали, Коровкин мрачно молчал и думал, что с женой ему не повезло: нечуткая, легкомысленная, ограниченная. Нет, не о такой жене мечтал Коровкин, надо было ему жениться на Верочке Антоновой, чудесная была девушка!

Но за чаем Коровкин отмяк душой и устыдился своих мыслей. Хорошая у него Александра, красивая, работающая, заботливая. А стычка с шефом и история в троллейбусе — сущие пустяки, не стоят они того, чтобы нервничать и переживать. И в Верочке Антоновой ничего чудесного нет, вертушка и неумеха, до сих пор замуж не вышла, это ли не симптоматично!

Коровкин решил пошутить и этим разрядить обстановку. Он сложил пальцы рук пистолетиком, навел его на жену, щелкнул и сказал: «Пу!».

Поначалу Александра отнеслась к выходке мужа недоуменно и равнодушно, как вдруг ее разобрала досада.

— Целый день как белка в колесе,— произнесла она недовольно.— На работе запарка, дома стирка, уборка, о еде надо позаботиться. Одни магазины чего стоят! А он, видите ли, приходит на все готовенькое и еще в тебя стреляет.

— Так это же шутка! — изумился Коровкин.

— Все равно. В каждой шутке есть доля правды. Я, между прочим, никогда в тебя не стреляла. Убийца! — И заплакала.

Коровкин ошеломленно крутил головой, пытался оправдаться, каялся, но успокоить разобиженную супругу ему удалось не скоро и с большим трудом.

Как ни странно, через несколько дней узкосемейная сценка стала предметом разговоров в учреждении, где Коровкин трудился. Информация поступила от Степановой, женщины любопытной и злоязычной.

— Коровкин чуть жену не убил! — возбужденно поведала она сослуживцам.— Мыслимое ли дело, из ружья в нее стрелял. К счастью, промахнулся. Его Александра соседке жаловалась, а та мне по секрету рассказала. Я с их соседкой вместе в школе училась. Мир тесен.

— Как?! Почему?! Откуда ружье?! — загалдели сотрудники.

— Ружье охотничье, на кабанов с ним ходит,— объяснила Степанова.— Соседка говорила, они мяса не покупают, дичиной питаются. А стрелял, чтоб от жены избавиться. Наверное, в другую влюбился.

— Он же мог развестись,— задумчиво предположила молоденькая сотрудница.

— Это долгая процедура! — отмахнулась Степанова.— А тут секундное дело. Пальнул — и гуляй!

— Так его бы судили!

— Подумаешь! — Степанова была в ударе.— Отсидел бы и снова женился. Теперь за убийство больше года не дают, и то условно. Нет, Коровкин на все способен! У него и лицо зверское, неужели не замечали?

С того дня сотрудники начали подозрительно приглядываться к Коровкину, отыскивая в его лице кровожадность и иные пугающие свойства. Тут еще у кого-то пропал кошелек, и многие подумали, что это тоже его рук дело, но, к счастью, кошелек нашелся.

Между тем Степанова не унималась. Однажды она сообщила, что Коровкиным заинтересовалась милиция. Оказывается, ружье он хранил незаконно, а за такое по головке не погладят. И еще Степанова сказала, что охотнадзор возбудил против него дело по обвинению в браконьерстве.

Слухи о злодеяниях Коровкина докатились до шефа. Тот очень испугался и вызвал на совет парторга и профорга. Вместе они решили, что выдвинуть Коровкина на повышение, чтобы от него избавиться, сейчас нельзя, за это не похвалят, коль дело зашло так далеко. Значит, надо

срочно отправить его на курсы по повышению квалификации, а там будет видно. В конце концов никакой официальной бумаги о бесчинствах Коровкина они не получали, следовательно, ни о чем знать не знают и ведать не ведают!

Один лишь Коровкин работал, ничего не подозревая, покуда кто-то из местных доброхотов не шепнул об интригах, которые вокруг него плетутся.

Несколько мгновений Коровкин оглушенно молчал, а потом стиснул кулаки и заиграл желваками.

— Будешь в них стрелять? — обрадовался доброхот. — В кого? В Степанову? В шефа? Или дуплетом?

— Нет! — медленно ответил Коровкин. — Не стану.

— Почему? — Доброхот был явно разочарован.

— Понимаешь, если на все обращать внимание, никакой зарплаты не хватит.

— На что?

Коровкин нахмурился:

— На патроны.

РАДИКАЛ

В своей конторе Козырев слыл радикально мыслящим. Чего бы ни коснулся разговор, будь это профилактика преступности или борьба с алкоголизмом, у него всегда наготове собственные парадоксальные и крайне максималистские предложения для решения проблемы. Трудных подростков обоих полов, например, он считал необходимым вешать на фонарных столбах задолго до совершения преступления, а ликвидацию пьянства видел в полном прекращении производства этилового спирта для каких бы то ни было надобностей и в уничтожении любого сырья, из которого этот спирт можно добыть.

В подобных случаях сослуживцы, слушая его высказывания, ужасались, возмущались, спорили, приводили, казалось бы, неопровержимые доводы, но Козырев упрямо стоял на своем. Утешало лишь, что Козырев не обладал властью, не выступал в печати, будоража общественное мнение, и его идеи всерьез не воспринимались, значит, люди могли спать спокойно.

Не так давно Козырев снова вывел своих коллег из равновесия. Все началось с невинной жалобы Эльвиры Егоровны по поводу мыла. Трудно, мол, с хозяйственным мылом, а туалетным за рубль кусочек не настираешься!

— Да! — поддержал ее многодетный Еремеев. — Жена тоже расстра-

ивается. А карамель, пастила, мармелад? Куда подевались? Ребята покоя не дают.

— Хорошую книгу не купить, — грустно покивал интеллектуал Гвоздикин. — За Булгаковым шесть лет гоняюсь, пока без результата.

— Цветики! — вмешался Козырев. — Скоро вообще ничего не будет, все раскупят. Если наши умники будут по-прежнему ограничиваться полумерами, можно сразу закрывать все магазины.

— Неужели?! — испугалась Эльвира Егоровна. — Как жить без магазинов! А какие меры вы предлагаете?

— Радикальные! — важно ответил Козырев. — Если бы реформу цен сделали по моему образцу, все прилавки были бы завалены товарами. Никакого дефицита!

— Как?! Каким образом?! — раздался голоса.

— Элементарно. Я повысил бы цены.

— Господи! Они и так лезут вверх! — воскликнул Еремеев.

— Вот именно! — мрачно улыбнулся Козырев. — Лезут и ползут. А нужно, чтобы они взлетели. Как сокол.

— С ума сошли! — возмутился Гвоздикин.

— Ничуть! — Козырев глядел снисходительно. — Пусть вареная колбаса, скажем, будет стоить сто рублей за килограмм, сливочное масло двести, дамские сапоги тысячу, а автомобиль, к примеру, — миллион. Уверю, растают всякие очереди, продавцы станут улыбаться покупателям, в столицу перестанут приезжать «гости» за товарами, станет свободно в поездах, в общественном транспорте. Рай земной! И все накопления в сберкассах исчезнут за несколько дней, представляете, какая выгода государству? И вы, — он обратился к Гвоздикину, — сможете купить своего Булгакова в любом книжном киоске.

— За сколько? — насторожился Гвоздикин.

— Какая разница. Сотни за четыре, наверно.

— За четыреста рублей! — ахнул Гвоздикин. — Откуда у меня такие деньги! Лучше я за четвертак у спекулянтов куплю.

— Тогда торопитесь, — посоветовал Козырев. — При новых ценах никаких спекулянтов не будет. Зачем они будут нужны, если всего навалом?

— Не понимаю! — Щеки у Эльвиры Егоровны пошли пятнами. — Кто же станет покупать колбасу за сто рублей?

— Кому надо, тот купит.

— Мне надо.

— На здоровье.

— На какие деньги? — Голос у Эльвиры Егоровны дрожал. — Вы что, мою зарплату не знаете?

— Знаю.

— Как же тогда?

— Не покупать.

— Интересно! Мой муж без мяса не может!

— Сможет,— заверил Козырев.— Привыкнет. Будет есть репу, брюкву, свеклу, хлеб. И дешево, и для здоровья полезно. Что хорошего в мясе или масле? От них один склероз.

— Если по-вашему, то и брюква подорожает!

— Несомненно, но процентов на пятьсот, не больше.

— Глупости! — Еремеев стукнул по столу кулаком.— Бред! Пусть уж лучше все остается по-старому.

— Отсталый вы,— укорил Козырев.— Консерватор. боитесь радикальных перемен.

— А как вы сами предполагаете жить при таких ценах? — ехидно спросил Гвоздикин.

— Нормально,— ответил Козырев.— Идея сэкономит сотни миллиардов. Неужели мне не отвалят за нее пару миллиончиков. А не дадут, тоже не пропаду, плановик все-таки.

От такой наглости сослуживцы закипели, но Козырев не сдавался и гнул свою финансовую линию.

Конечно, подобные перепалки не могли долго сидеть взаперти, выплеснулись за двери конторы и достигли коридоров родного главка. Наверное, поэтому начальник главка и вызвал Козырева к себе, считая, что плюрализм мнений следует поощрять.

— Так-так! — раздумчиво произнес он, выслушав козыревскую ценоконцепцию.— Но здесь есть подводные камни.

— Нет камней! — отверг Козырев.

— А реакция населения? Есть же малооплачиваемые, многодетные, пенсионеры. Как они к этому отнесутся?

— Если будет хорошо организована воспитательная работа, поймут правильно. Я сам вышел из народа, знаю! — убеждал Козырев.— Дефицит всем надоел, высокие же цены вызовут резкое снижение спроса на товары, да и производить их придется самую малость. Одной обувной фабрики с лихвой хватит на всю страну. Появятся реальные экономия и бережливость. Хлеб перестанут выбрасывать на помойку, станут сушить из него сухари. Нет, отличная жизнь наступит. Кстати, появится еще одна немаловажная выгода: отпадет надобность в конвертируемости нашего рубля. о которой так много говорят.

— Как это? — удивился начальник главка.

— Очень просто! — гордо пояснил Козырев.— Покупаем мы, к примеру, за границей кофе по пять долларов за килограмм, а продавать в магазинах станем этот же кофе по пять тысяч рублей. Пусть доллар стоит выше рубля, но не настолько же!

— Позвольте! Никто не купит ваш кофе.

— Купят. Пусть хоть двести человек купят, уже овчинка стоит выделки.

— У людей вовсе исчезнут деньги...

— Вот именно! — весело прервал Козырев.— В этом-то и есть сверхзадача. Оставшись без денег, люди в свободное от основной работы

время займутся натуральным хозяйством, и в страну вскоре вернется изобилие.

— Ну и ну! — усмехнулся начальник главка. — Они просто убегут со своей основной работы.

— Не убегут, если будет постановление, что убежать нельзя. Вы ведь знаете силу постановлений?

— Знаю, — нерешительно кивнул начальник главка. — Все равно в ваших рассуждениях чего-то недостает. Э-э-э... Да! В них нет заботы о благе народа.

— Пустое! — отмел Козырев. — Разве народ знает, что есть благо, а что нет? Для этого начальство поставлено. Между прочим, не мною придумано.

Последние козыревские слова начальнику главка понравились. Он распорядился изъять радикала из конторы, сделал его своим референтом, и сейчас они вместе с другими большими мастерами по ценам заседают в какой-то тайной канцелярии, надеясь прославить свои имена в веках.

Скорее всего, так оно и будет. У нас не принято забывать соотечественников, радеющих о всеобщем счастье.

ПОМИДОРЫ

Шли по улице и встретились. Синяков сразу заметил, что Кувыкин сильно постарел, на виду не подал, а стал, наоборот, неумеренно восхищаться статью и цветом лица давнего знакомого. Кувыкин тоже не отставал в комплиментах. Оба они прекрасно знали, что говорят неправду, но почему не сделать человеку приятное, если это ничего не стоит? Однако любой встречный прохожий, если бы он обратил на них внимание, мельком бы подумал, что вот, мол, идут два старика и беседуют, поскольку так оно и было на самом деле.

За годы, а не виделись они порядком, у каждого произошло множество событий, больших и маленьких, так что оба слушали друг друга с интересом, порой удивляясь и переспрашивая.

Постепенно поток информации иссяк, и разговор перешел на прошлое. Когда люди долго не встречались, о чем говорить, как не о прошлом! Тем более что тогда они были и моложе, и активнее. Старость есть старость, как ее ни приукрашивай!

— Было времечко! — вздохнул Кувыкин. — Кассиром работал в издательстве. Почет! Уважение! В дни выплаты гонораров писателям, бывало, у окошка очередь жжу-жжу, а я не тороплюсь кассу открывать, чай пью, хотя время вышло. Никто и пикнуть не посмеет, культурный народ! Побавались, конечно. Вдруг я скажу, что денег мало дали, или

вовсе по какой-нибудь надобности уйду. Кто с кассиром станет ссориться, когда деньги нужны! И оставляли неплохо. Мелочь вообще не брали, а некоторые округляли до пятерки или до десятки. Иной раз сотню домой уносил. Были и свои авторы, которым в любые дни платил. Опять-таки благодарность! Что душу тревожить! Власть была.

— Власть! — кивнул Синяков. — Ты ее кассиром ощутил, а ведь я до-о-о-лжность занимал.

— Большую должность, — согласился Кувыкин.

— Еще какую! — Синяков приосанился. — Командовал всем транспортом треста. Помнишь, я тебе машину давал?

— Как же! Когда я с квартиры на квартиру переезжал. Спасибо.

— Вот! Всем нужен был. Знакомства были, все было. А сейчас кому нужен? Никому не нужен. Потому что власти нет.

— Без власти никуда, — подтвердил Кувыкин. — Рядом с моим домом киоскер газетами торгует. Думал, совсем незаметный человек, а он со многими в округе в дружбе. Видать, газеты им или журналы дефицитные оставляет. Пусть маленькую власть, но имеет.

— Кто на должности, у того и власть!

— Не скажи, — возразил Кувыкин. — Есть должности без власти. У моей племянницы муж научным сотрудником работает. Ничего мужик не может, сестра жаловалась.

— Конечно, если с народом не связан, власти не жди!

Так они шли и шли, рассуждая о власти, которой у них нет и никогда уже не будет. Любой сантехник, приходящий по вызову, чтобы починить в ванной кран, тоже имеет власть, захочет — сделает хорошо, а заартачится, еще хуже напортит. А пенсионеры почему жалобы пишут? Не из-за дурного характера, не из-за старческого брюзжания, а от обиды. Раньше они бы в ответ на притеснения могли отыгаться на тех, которые от них зависели, душу отвести, а теперь? Вот и пишут в газеты или еще куда!

Так они шли и негромко беседовали, покуда не увидели лоток, за которым высокий парень в грязной белой куртке продавал помидоры. Выглядели помидоры соблазнительно — крупные, красные, гладкие!

— Надо купить! — загорелся Кувыкин. — Жена обрадуется.

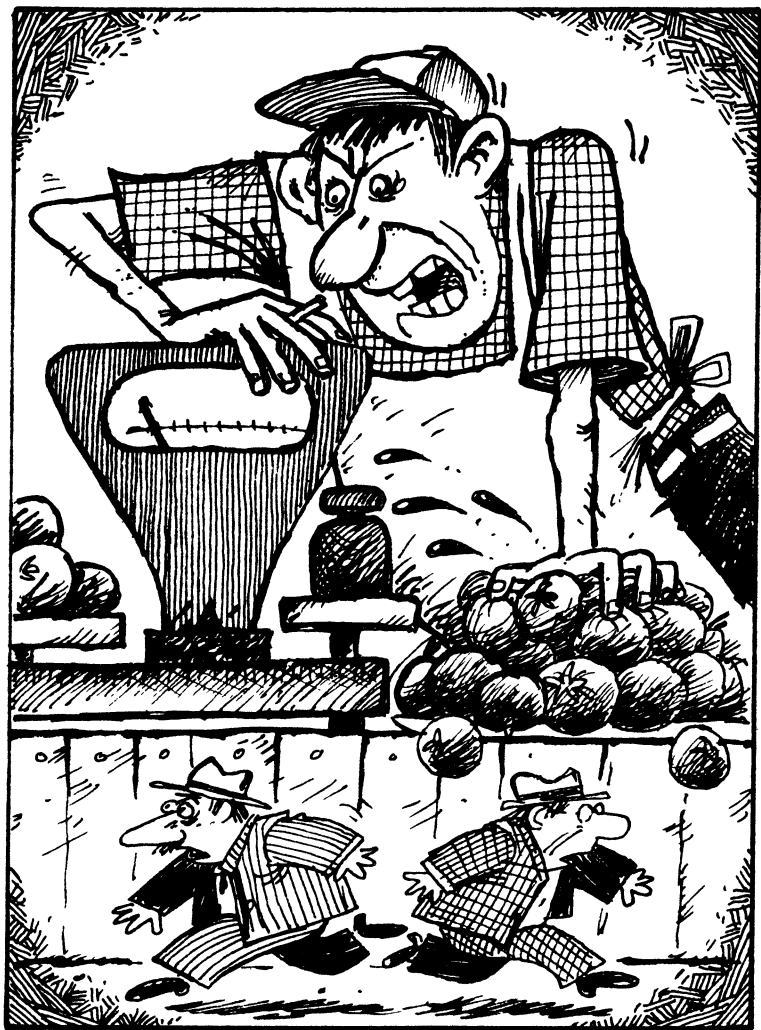
— Я тоже, — поддержал Синяков. — Очереди нет, всего три человека.

Они подошли к лотку и пристроились за женщиной в желтом плаще, стоявшей последней.

— Велели не занимать, — повернулась к ним женщина. — Продавец на обед уходит.

— Какой обед! — возмущился Кувыкин. — Одиннадцать утра.

— Вы обедаете?! — закричала женщина, испугавшись, что продавец, услышав наглое замечание Кувыкина, обидится и уйдет. — Что, человек пообедать не может?! Вы сами каждый день обедаете?!

Продавец искоса глянул на непрощенных покупателей и хмуро бросил:

— В желтом последняя. Больше отпускать не буду.— И стало предельно ясно, что это не пустые слова.

Когда приятели отошли от лотка, Синяков сказал:

— Власть! Ничего не попишешь! Ладно, мне направо. Звони, телефон старый.

— Обязательно, — пообещал Кувыкин. — Бывай!

И каждый пошел своей дорогой.

БЛАГОЕ НАМЕРЕНИЕ

На собрании все ораторы отзывались о гласности с похвалой. Первым взял слово директор и произнес в пользу гласности самые замечательные слова. Он сказал, что только гласность способна создать в коллективе исключительно здоровый микроклимат. Когда сотрудники станут трудиться в обстановке широкой гласности, всякие нелепые слухи, пересуды и сплетни рассосутся сами по себе. Зачем шептаться по углам, когда все будет и так известно?! Стало быть, любой чем-либо недовольный товарищ свободно выскажется, и конфликт, не успев разрастись, тут же будет разрешен в рабочем порядке. Директор заверил, что отныне списки премированных, фамилии очередников на улучшение жилплощади и кандидатов на санаторные путевки, а равно и отпускников в летнее время года будут вывешиваться на досках объявлений для всеобщего обозрения. Еще директор обещал, что все перемещения, в смысле продвижения по служебной лестнице, будут известны всем и каждому заранее, дабы можно было высказать возражения, если кто-либо усмотрит в проектах несправедливость или ущемление собственных интересов.

В таком же духе высказались и другие руководители рангом помельче. Некоторые из них даже самокритично выразили изумление, как это они сами раньше не додумались до такой прекрасной штуки, как гласность, и только после указаний свыше сообразили, какие она выгоды сулит.

Рядовые сотрудники тоже не остались в стороне от обсуждаемого вопроса. Они заявили о полной своей солидарности с принципами гласности и от души поблагодарили руководство, которое так своевременно и остро высветило проблему, и в ответ приняли обязательства работать еще лучше, чтобы поднять престиж родного учреждения на небывалую высоту.

Ушкин слушал и радовался. Сам он не выступал лишь потому, что не очень-то владел риторическим мастерством, предпочитая ему перо и бумагу, и вообще робел, если на него бывали устремлены многочисленные

взоры. Но мысленно Ушкин все равно был с каждым из ораторов, он всегда стоял в душе за гласность и болезненно переживал, когда ею пренебрегали.

Пришло наконец, настало-таки долгожданное время, ликовал он, когда можно критиковать любого носителя негативных явлений, не опасаясь, что тебя за это притянут к ответу или, еще хуже, подведут под организационные выводы. Значит, и Прозоров, которого Ушкин терпеть не мог, освещенный ярким прожектором гласности, будет окончательно развенчан, обуздан и посрамлен!

Прозорова было за что ненавидеть. Во-первых, Прозоров был начальником Ушкина. А кто любит своего начальника?! Конечно, начальников в учреждении много, но те не имели к Ушкину непосредственного касательства, а Прозоров постоянно мельтешил перед глазами и еще получал в месяц на двадцать рублей больше. Пусть Прозоров и не притеснял Ушкина, но уже сам факт, что начальник все-таки Прозоров, а не наоборот, представлялся невыносимым. Во-вторых, Прозоров недавно приобрел «Жигули» вишневого цвета, и это обстоятельство отозвалось в Ушкине мучительной завистью. Машину купила и оформила на свое имя жена Прозорова через институт, в котором работала заведующей лабораторией, так что сам Прозоров ездил по ее доверенности, но все равно покупка не могла быть законной. И откуда они набрали столько денег?! Наверняка здесь кроются нетрудовые доходы, о которых в последнее время так много пишут в газетах. В-третьих, Прозоров подготовленные к отправке документы всегда относил в экспедицию сам, а это наводило на мысли, что поступает он так сознательно, чтобы лишний раз поболтать с хорошенькой Валечкой, которая Ушкину тоже нравилась. Следовательно, моральный облик Прозорова ниже всякой критики!

Если хорошенько подумать и постараться все припомнить, у Прозорова можно обнаружить целую кучу и других недостатков, за которые по головке не погладят. Определенно в условиях поощрения гласности ничего не стоит вывести прохиндея Прозорова на чистую воду!

Дома после ужина Ушкин в прекрасном настроении расположился за кухонным столом с благородной целью изложить все свои претензии в пространном письме, поскольку произнесенные слова лишь сотрясают воздух, а написанные подшиваются в дела. Недаром же говорят: написано пером — не вырубишь топором!

Писалось Ушкину легко и вдохновенно. Когда послание было закончено, он внимательно его перечитал и восхитился и слогом, и аргументацией. Когда дело получит законный ход, Прозоров не сможет рассчитывать даже на обычную тюрьму, чтобы не развратить своим пребыванием в ней остальных арестантов, для него придется соорудить специальный каземат на необитаемом острове, окруженном акваторией со множеством акул.

Да, написано было прекрасно, жаль, Ушкина немного подвел черк: какой-то чужой, совсем непохожий на его собственный. Наверное, сказалось волнение, которое неизбежно возникает при написании подобного рода бумаг и заставляет дрожать руку с пером.

Наутро Ушкин встал пораньше и отправился на вокзал, чтобы там опустить свой конверт в почтовый ящик. Он всегда считал, что из вокзальных ящиков письма попадают к адресатам быстрее.

Исполнив задуманное, Ушкин весело зашагал на работу, гордый созданием, что благие намерения его реализованы, как вдруг... остановился как вкопанный. Конечно же! По рассеянности он забыл подписать свое письмо и указать обратный адрес! Коряво получилось, качал головой Ушкин, ничего не скажешь!

Но вскоре он успокоился. Какая в общем-то разница, кто именно изобличил Прозорова: Ушкин или другой. Ведь важны факты! Даже хорошо, что так получилось! Ведь гласность, можно сказать, пока еще находится в стадии эксперимента. Нет сомнений, она свое возьмет, нужно только время для разбега. И тогда уже Ушкин не забудет подписаться, больше того, он выведет на конверте обратный адрес каллиграфическим почерком, за который его постоянно хвалит Прозоров.

ПЕРВЫЕ

Да, так получилось. Я еще спросил у Жорки Криворучко, с которым мы вместе пришли, был ли он когда-нибудь первым? Жорка ответил, что нет, никогда вроде не был, не помнит такого.

И я не помню. В школе и по успеваемости, и по поведению я числился где-то посередке, на работе тоже ничем не отличался, спортом не увлекался, а дома первой была жена, второй — дочь, затем теща, так что я на призовые места никогда не претендовал. Даже по воскресеньям в очередях за картошкой или за капустой ни разу мне не выпало, чтобы стоять первым.

А тут мы с Жоркой оказались первыми! Верно, пришли мы рано, еще двенадцати не было, конечно, надеялись быть впереди, однако не настолько, чтобы уж совсем первыми.

Вначале трудно было поверить такому везенью, но вскоре подошел еще один, потом женщина, за ними другие, очередь стала формироваться, и мы с гордостью смогли осознать свое лидирующее место.

Прохожие останавливались и спрашивали, что сегодня будут давать? Мы не знали и ничего не могли ответить, а третий сзади с солидностью заявлял, что ожидать следует только водку, по десятке за бутылку, поскольку вчера вечером была именно по десять, он просто не успел купить, магазин закрывали. Неизвестно, конечно, сколько со вчерашнего

дня осталось, но передним наверняка хватит, даже если сегодня не будет завоза.

Мы с Жоркой возликовали, и другие поблизости тоже громко радовались: и товар достанется, и никакой мороки со сдачей и долгими копеечными расчетами.

Спрашивали и про то, сколько будет продавцов — один или два? И на это третий сзади отвечал, что в этом магазине всегда два продавца. Бывает, что кто-то из них болеет или в отпуске, но уж один обязательно будет, не было случая, чтобы водка была, а продавец отсутствовал.

Еще интересовались насчет хрусталя, принимают ли? И опять третий сзади авторитетно объяснил, что в этом магазине хрусталь сроду не принимали, хрусталь берут только около бань по четвергам, зато бандиты-кооперативщики наловчились и дают за штуку по пятнадцать копеек, наживая на этом миллионы.

Мы с Криворучко усекли, что хрусталем называются порожные бутылки, подивились народному юмору и узнали страшные подробности из жизни ворюг-кооператоров, к которым все в очереди питали лютую ненависть. Оказывается, эти жулики скупили весь сахар для своих пирожков и трубочек с кремом, посадив страну на голодный паек. Досталось и самогонщикам, которые гонят свое зелье не только из сахара, но из конфет тоже. Правда, четвертая в очереди — дама из интеллигентных — возразила. Ей, мол, непонятно, почему из кондитерских исчез шоколад, из шоколада самогон никогда не гнали, даже при царе Николае. Но ее тут же затюкал третий сзади. Он сказал, что водили по ночам берут за бутылку двадцатник, спекулянты водкой уже оклеивают стены у себя дома столбниками, люди едят зубную пасту, пьют шампунь, одеколоны, даже на импортную туалетную воду денег не жалеют, для них шоколад — тьфу! Скоро начнут из черной икры самогон добывать, в Астрахани уже приступили. Кстати, очень хороший самогон получается, полноценный, жирный, закусывать не надо.

Интеллигентная обиделась и врзала третьему сзади насчет подписки на газеты и журналы. Неужели из них тоже самогон изготавливают? Третий сзади вначале растерялся и не смог отразить такой выпад, но вскоре нашелся, заявив, что с газетами и журналами вышла промашка, пробовали из них гнать, но градус оказался низкий, поэтому подписку снова разрешили, а вообще в гробу он видел все журналы, не в них счастье, главное, что все дорожает, раньше водка стоила два восемьдесят семь, молодые смеются, когда им говоришь, не верят.

И тут все разом заговорили про колбасу, которая тоже стоит сумасшедшие деньги, а в ней один крахмал, по телевизору показывали. Все равно ее расхвывают труженики полей, которые, вместо того чтобы пахать, атакуют городские магазины.

Вдруг вмешался кто-то со стороны и сказал, что скоро очередей за спиртным не будет, вот-вот выйдет постановление, чтобы водку и вино продавали во всех киосках и даже в булочных. На что третий сзади сер-

дито ответил, что постановление, может, и напишут, написать все можно, только все равно ничего не получится, разве что лет через двадцать. Потому что водочные заводы в эпоху борьбы с алкоголизмом раздолбали — ломать не строить! — а виноградники вырубili. По постановлениям, добавил третий сзиди, мы уже все должны жить при коммунизме лет восемь, а пока такого не наблюдается.

На этот раз интеллигентная поддержала третьего сзиди. Она тоже слыхала про постановление, но там оговорено, чтобы спиртное не продавали на улицах, где расположены школы, детские сады и ясли. Это ей не совсем понятно, поскольку она за водкой стоит каждую неделю и ни разу в очереди не встречала ни школьников, ни дошкольников, ни младенцев.

Словом, мы с Жоркой Криворучко узнали много такого, о чем раньше не имели ни малейшего понятия.

Между тем время шло и приблизилось к заветным двум часам, мы были первыми и крепко держались за ручку магазинной двери, чтобы никто не смог нас оттереть, за нами впритык стоял третий сзиди, а далее интеллигентная дама зычным голосом отпугивала хануриков, столпившихся поблизости и готовившихся к штурму двери, призывая милицию.

Но магазин не открывали, милиция не появлялась, очередь волновалась и гудела, а потом вдруг стала стремительно пухнуть и разваливаться на глазах. Оказалось, через служебный вход выглянул заведующий и предупредил, чтобы напрасно не ждали, водки не будет, подвел транспорт, а те два ящика, которые оставались со вчерашнего дня, увезли на банкет по поводу приезда какой-то делегации из далекой южной страны.

Третий сзиди зло плюнул, выматерился и произнес про большое начальство такие слова, за которые при культе и, возможно, даже при застое можно было свободно загреметь на лесоповал до конца тысячелетия. И дама, отшвырнув интеллигентность, прошипела то же самое. Интересно, что при этом никто и ухом не повел, поскольку в обществе настали полная гласность и демократия.

Нам с Жоркой ничего не оставалось, как тоже уйти. Мы шли по улице и рассуждали, что не каждому удастся быть первым, это от судьбы зависит. Можно даже стоять первым, но ничего не выйдет, хоть тресни! То есть как у нас сегодня.

Жутко захотелось выпить, о ресторане нечего было и мечтать, туда не пробиться, и мы с горя купили за бешеные деньги у какой-то восточной женщины флакон французских духов, а потом разглядели, что на брата приходится всего по семь граммов, смех! Попрыскали мы ими свои непутевые головы, емкость бросили в урну и разошлись.

Дома был скандал со слезами и битьем посуды. Жена вопила, что я был у Маруськи, и грозила выцарапать той глаза. А я глупо молчал, все равно ничего не докажешь. Запах такой, что с выпивкой его никак

нельзя связать. Жена у меня упрямая, долго придется ее умасливать, пока она забудет эту проклятую историю.

А Жорка оказался похитрее. Он женился недавно, и жена еще не успела ему надоест. Промаявшись несколько ночей на раскладушке в кухне, поскольку жена отлучила его от супружеской постели, он нашел выход. Влез в долги, купил еще один флакон со спиртным напитком этого гада Диора и выпил его перед сном в присутствии жены.

Та поверила, перестала злиться, наоборот, зазывает мужа в постель, стоит ему войти в квартиру после работы, объясняя, что хочет лишний раз ощутить замечательный запах, пока он окончательно из Жорки не выветрился.

Непонятно только, почему Жорку нужно нюхать в постели, от него и так который день разит духами даже на расстоянии.

ЗАКОН НАИХУДШЕГО РЕШЕНИЯ

Этот закон не найти ни в одном учебнике. И вообще о нем никто слыхом не слыхивал, поскольку абсурд не может быть законом. Лишь старший научный сотрудник Капустин постоянно твердит, что закон есть, существует, просто некоторые не желают с ним считаться, а с законами шутки плохи. Законы не любят, когда ими пренебрегают, и мстят при любом удобном случае.

Суть закона, по мнению Капустина, состоит в том, что из всех возможных решений всегда выбирается наихудшее, далекое от логики и здравого смысла. Конечно, это полная чепуха, которую практика жизни опровергает на каждом шагу, но Капустина не переубедить.

Наверное, подобный максимализм в суждениях у Капустина по молодости лет, но все равно солидных людей это раздражает.

— Почему?! — удивился заведующий отделом Шнуров, услышав про странный закон впервые. — Объясните!

— Не могу, не знаю, — пожал плечами Капустин. — Закон есть закон! Вы же не сомневаетесь в гравитации, к примеру?

— Сравнили! Гравитация — закон природы.

— А это закон времени. Его еще не все осознали. Нет научных доказательств, статистических данных тоже пока нет. Нужны другое мышление, иной подход. Тогда люди научатся им управлять, и он перестанет быть опасным. Представьте человека, который ничего не знает про гравитацию. Обязательно сломает себе шею. А будет знать, поостережется.

Из-за этого закона у Капустина с шефом постоянно возникали перепалки.

— Черт знает что! — сердился как-то заводилом. — Из главка пришло дополнительное задание, предлагают усовершенствовать морально

устаревший узел. Огромные затраты, а у нас в плане новая система. Им, видите, нужно немедленно. Реконструкцию не делают немедленно, это не гоголь-могиль!

— Все нормально! — вмешался Капустин. — Закон действует. А вы не верили.

— Какая ерунда! — вспыхнул Шнуров. — Что главк не принимал правильные решения, что ли?

— Принимал, — кивнул Капустин. — Когда не было выбора. Никто не придумал худшего, понимаете? Иначе обязательно приняли бы худшее. Кстати, прекрасный повод поехать вам к начальнику главка и рассказать про закон.

— Только этого не хватало! Будете заведомо, тогда и пойдете!

— Исключено! — нагло засмеялся Капустин. — Закон наихудшего решения такого не допустит.

Капустин затевал дискуссии не только со Шнуровым.

— Умно поступил профком. По закону! — съязвил он однажды. — Выделил путевку в санаторий Голованову. Голованов может быть грузчиком на овощной базе, а Савиных на пенсию собирается. Зачем будущему пенсионеру путевка, не дай бог, поздоровеет!

— Как не стыдно, Капустин! — смутился Савиных. — Я не просил.

— Правильно! — зевнул Капустин. — Все равно поехал бы Голованов. Его курортные девочки ждут. Верно, Голованов?

В последнее время баталии в отделе вспыхивали все чаще и чаще. И сегодня перед концом рабочего дня произошло то же самое.

— Я решил, — объявил Шнуров, — на вакантную должность взять Селиванова. Отличный специалист, светлая голова. Вначале исполняющим обязанности, потом проведем по конкурсу. Возражений нет?

— А Балашов? — спросил Капустин. — Балашов землю ррет, чтобы попасть на эту должность.

— Зачем нам Балашов! — нахмурился заведующий. — Профан! Бездельник! В КБ мечтают от него избавиться. Будем брать Селиванова.

— Не выйдет! — Капустин отрицательно покачал головой. — Должность получит Балашов, иначе нарушается закон наихудшего решения.

— Вы что, издеваетесь?! — взвился Шнуров. — Безобразие!

— При чем тут я? — развел руками Капустин. — Закон не согласится. Против закона не попрешь!..

Шнуров шел домой, бурля от гнева. Этот Капустин становится день ото дня все более невыносимым!

— Что случилось? — забеспокоилась жена, поглядев на расстроенное лицо супруга.

— Опять Капустин вывел из себя. Носится со своим дурацким законом. Видеть его уже не могу!

— Не обращай внимания, — успокоила жена, — пусть болтает! А у нас приятная новость. Незадолго до твоего прихода позвонил Терещенко, представляешь? Был очень любезен, приглашал в гости.

— Смотри! — польщенно улыбнулся Шнуров. — Думал, он обо мне давно забыл на своей высокой должности. Ладно, и на том спасибо!

— Да! — вспомнила жена. — Терещенко еще просил, чтобы ты помог одному очень способному мальчику...

— Мальчику?! — перебил Шнуров. — Странно! Я с детьми никогда не работал.

— Я тоже сразу не поняла. Это он пошутил. Какой-то ваш молодой сотрудник. Его фамилия Балашов.

ЧЕЛОВЕК И ВОЛК

Давным-давно Человек и Волк были между собой в большой дружбе. Они вместе охотились на зайцев и коз, вместе завтракали, обедали и ужинали, вместе защищались от непогоды, словом, жили по принципу: «Человек Волку — друг, товарищ и брат».

Волк был сильнее Человека и бегал быстрее, зато Человек был горазд на всякие выдумки, до которых Волку своим умом вовек бы не дойти. Конечно, временами им приходилось туго, доисторический лес все-таки не дом отдыха санаторного типа, но жить было надо, а преодолевать трудности вдвоем легче, чем в одиночку.

Проблем с жильем в лесу не было, так что логово они соорудили без особого труда и обставили по тогдашним понятиям прилично, но перебои с продовольствием постоянно давали о себе знать, поскольку спрос уже был достаточно велик, а предложения исторически не созрели еще, отсюда, естественно, и несоответствие между возможностями и потребностями.

Слов нет, Волк в лесу — фигура, да и Человек не лыком шит, однако, если не подсуетиться, можно было запросто откинуть лапы и ноги тоже, учитывая, что привилегий в ту пору не полагалось никому. Тем не менее процент выживания, несмотря на отдельные сложности, оставался весьма высоким в сравнении, скажем, с докембрием.

Нельзя сказать, что помыслы лесных обитателей сплошь были пронизаны заботами о пище. Культурная жизнь, пусть примитивная, в то время уже набирала силу. Взять хотя бы неформальные птичьи объединения, которые в весенне-летние периоды давали концерты на вполне профессиональном уровне. И еще звери ходили друг к другу в гости, обмениваясь таким образом новостями и строя прогнозы на будущее.

Спиртного в гостях не пили, поскольку его еще не придумали, но закусить давали, если хозяева были при мясе. Выражение «при мясе» приводится лишь потому, что в лесу сосуществовали разные зоологические отряды, питавшиеся неодинаково в гастрономическом смысле, а в данном случае речь идет о Человеке и Волке.

Однажды наших друзей пригласил к себе Медведь. Он очень интересовался, как это Человек и Волк сумели поладить, зиждется ли их альянс на нравственной основе или носит чисто прагматический характер, сам рассказал о повадках кабанов и об успехах пчел в деле смягчения продовольственной проблемы, а потом угостил приятелей медом в сотах и спелой малиной.

Увидев угощение, Волк насупился и ни к чему не притронулся, а Человек наелся досыта и остался очень доволен.

— Зря побрезговал! — сказал Медведь Волку на прощание. — Положение с мясом сильно осложнено, и перспектива не дает оснований для оптимизма. Если все станут есть одно мясо, может нарушиться экологическое равновесие, а это чревато. Так что надо приспособливаться, искать новые подходы.

— Я не заяц! — возразил Волк непримиримо. — У меня свои воззрения и своя философия!

— Гляди! — произнес Медведь добродушно. — Как санитар леса, ты рассуждаешь логично, но попытайся мысленно проникнуть в будущее. Сейчас уже зайцы и козы, например, усиленно занимаются спортом, их все труднее становится догнать, да и кабаны не отстают, поинтересуйся у сорók сводками рекордов. Не сомневаюсь, что этот пройдоха, — он с улыбкой кивнул на Человека, — со временем создаст фальсификат мяса, назовем его условно вареной колбасой, так ты все равно не сможешь это проглотить. Поверь, малина не самый скверный вариант. Впрочем, и ее не навалом.

— А физиология?! — с возмущением воскликнул Волк.

— Пустое! — Медведь пренебрежительно махнул лапой. — Справится твоя физиология. Условия дефицита заставят.

По дороге домой Волк очень сердился и пенял Человеку:

— Поражаюсь твоей беспринципности! Если бы ты не набросился на мед, этот скупердяй выложил бы нам на ужин свинью, тушу которой я разглядел в его чулане.

— Может, у него на свинью были другие виды, — предположил Человек. — В данном случае мы поступили тактично.

— Мясо и такт несовместимы! — взвыл Волк. — Когда ты уж научишься занимать четкую позицию!

Хорошо, что дома оказался зарезанный днем заяц. Волк им поужинал, подобрел и сказал примирительно:

— Друг, ты не обижайся и попытайся понять меня правильно. Жизнь — субстанция материальная. И ставит перед живущими всего один вопрос: кто кого сожрет? Пусть это звучит несколько цинично, но альтернативы нет. Так что учись, покуда я жив, мой век короче!

Как-то Человек завел с Волком разговор о том, что неплохо бы посмотреть мир. Волк был категорически против.

— Перелетные птицы рассказывают чудеса, — убеждал Человек. — Летят они в дальние страны, а мы сидим с тобой на одном месте,

как два инвалида. Неужели неохота прошвырнуться по морям-морям-морям, нынче здесь, а завтра там?!

— Не хочется! — отбивался Волк. — Там нет зайцев.

— Зато есть рыба.

— Самая лучшая рыба — это заяц! — стоял на своем Волк.

— Хорошо, — Человек пошел на компромисс. — Давай доберемся хотя бы до царства обезьян. Там нет зайцев, но полно кроликов. Их мясо нежнее, да и бегают они не так быстро. Отправимся осенью, когда у обезьян бархатный сезон, а к зиме вернемся обратно.

— Уговорил! — сдался Волк. — Но дальше ни шагу!

Долго ли, коротко ли, но в обезьянье царство наши друзья прибыли. И сразу же пошли представляться местному владыке, которого звали Большой Обезьян. Тот оказался огромным и косматым кривлякой.

— Родственничка бог принес! — ерничал он. — До чего выродился, страх смотреть! И Волк с ним. Дела-а-а! Ладно, присаживайтесь, сейчас притащат закусить. Вы, наверное, проголодались в дороге, да и я еще сегодня не завтракал.

По его знаку прислужники мгновенно приволокли прорву мандаринов, бананов и орехов.

— Как насчет кроликов? — робко спросил Волк. — Прикажите подать.

— При чем тут кролики? — Большой Обезьян построил гримасу. — А-а-а! Ты любишь кроликов. На них в этом году мор напал, почти все передохли. Впрочем, надо уточнить у шакалов. Угощайтесь!

Человек не заставил себя упрашивать, да и хозяин проворно заработал челюстями, лишь кожа разлеталась по сторонам.

Волк был голоден, как волк, но ничего не мог с собой поделаться, есть такую дрянь представлялось невыносимым. Некоторое время он терпел, потом поглядел на Человека с ненавистью, встал на все свои четыре лапы и заявил:

— Я возвращаюсь домой. Добуду по пути нормальную еду. Прощайте!

— Постой! — закричал Человек, протягивая ему очищенный банан. — Попробуй, какая прелесть!

— Молчи, конформист! — Волк презрительно плюнул. — Отныне мы враги навсегда! — И стремительно пустился наутек.

— Однако! — развеселился Большой Обезьян. — Твердолобый у тебя приятель! Максималист! Не удивлюсь, увидев этого привиреду со временем в Красной книге. Впрочем, черт с ним! Поведай-ка лучше, родственник, как там с эволюцией? И вообще?..

Так печально окончилась дружба Человека и Волка. Точнее, прервалась на самом интересном месте.

Откровенно говоря, они могли бы и помириться, но Человек сам этого не пожелал. Ему уже было скучновато с Волком, интересовали другие сферы обитания, иные проблемы и более широкие горизонты,

короче, хотелось расти над собой, как стало принято говорить много тысячелетий спустя.

Поэтому Человек не вернулся в лес, обосновался в пещере, занялся самосовершенствованием и постепенно поднялся до таких высот, какие Волку и не снились, — одна наша цивилизация чего стоит! И это еще не конец — конец впереди.

«ВЕЧНОСТЬ»

Кто-нибудь слышал о существовании города Тучинска? Нет? Очень жаль. Пусть он небольшой, пусть стоит вдалеке от областных центров на границе между тундрой и тайгой, пусть к нему не ведут железнодорожные пути, автострасы и авиатрассы, пусть он не получает плановых материальных фондов и госбюджетных дотаций, а целиком зависит от рентабельности местной промышленности и предприимчивости окрестных колхозных хуторян, но в остальном Тучинск — город как город.

Его жители тоже ходили на работу, часто стояли в многочисленных очередях, слушали радио, смотрели телепередачи, гнали самогон, посещали друзей и знакомых, читали свою газету «Тучинская правда», словом, жили. И не вина города, что он не попал в энциклопедические словари.

Словари создаются всего лишь людьми, так что не будем строго судить их составителей. Может быть, в периоды культа-застоя им, составителям, не велели упоминать о Тучинске, поскольку в нем родился или проживал какой-либо враг народа, прихвостень, двурушник, наймит или отщепенец, кто знает! Возможно, составители действительно не имели о городе ни малейшего понятия, ибо не нашли его в словарях прошлых изданий или на географических картах.

Последние годы Тучинск жил обычной, ничем не примечательной жизнью, кто-то перестраивал свое мышление, кое-кто только собирался это сделать, иные утверждали гласность, демократию и плюрализм мнений, короче, все шло, как было определено планом развития на перспективу.

И катилось бы в городе поступательное движение вперед по избранному пути прекрасно и даже удовлетворительно, если бы не одно событие, повернувшее колесо истории Тучинска, скажем прямо, не туда.

Открылся вдруг в городе кооператив под названием «Вечность». Ах, если бы он выпекал пирожки с клюквой или шил холщовые штаны для новобранцев с наклейками «Маде ин Калифорния» сзади! Так нет же. Кооператоры предложили населению странную услугу.

Отныне каждый желающий мог прийти и, заплатив по таксе деньги, тут же улечься спать на любой срок, по истечении которого проснуться

и продолжать свою жизнедеятельность безо всякого вреда для здоровья. Помните, как в песенке: «Каким ты был, таким ты и остался!». Значит, земное время шло своим чередом, а на возрасте клиента оно никак не отражалось, такая биологическая консервация.

В рекламном проспекте кооператива приводились доводы в пользу подобной услуги. К примеру, ждет человек квартиру, а его очередь должна подойти к началу следующего тысячелетия. Стало быть, не желая прозябать в коммуналке со злодеями соседями или в бараке с удобствами во дворе, он засыпает, потом пробуждается, идет в отдел учета и распределения жилой площади, а там ему протягивают ордер: пожалуйста, дорогой товарищ!

В этом же проспекте давались рекомендации засыпать всей семьей, дабы все ее члены за период спячки, скажем, главы семьи не состарились, не выросли, не умерли, словом, проявлялась забота о сохранении целостности ячейки государства. О друзьях, приятелях, сослуживцах, просто знакомых предлагалось не беспокоиться, благо всегда можно завести новых и даже лучших, чем старые. Что же касается научно-технического прогресса, который, как известно, на месте не стоит, так и это обстоятельство не должно настораживать клиента: человек так уж устроен, что к хорошему и комфортному очень быстро привыкает. Научный принцип временного отключения от действительности, объясняли кооператоры, основан на нормальной физиологии медведей, которые до сна большие охотники, а на здоровье не жалуются.

Несмотря на рекламу, стоившую немало денег, народ пользоваться услугами нового кооператива не спешил. Проходя мимо зеркальных окон помещения, арендованного «Вечностью», люди замедляли шаги, с опаской поглядывая на белоснежную витринную постель, в которой покоился восковой мужчина со счастливой улыбкой ожидания светлого будущего на лице. Чтобы не оставалось сомнений, что мужчина спит не напрасно, рядом висел плакат со словами: «Лежу я вот который год, а очередь за колбасой идет!».

Про кооператоров говорили разное. Обвиняли в шарлатанстве. Удивлялись, куда смотрят компетентные органы? Признавали преимущества сна перед бодрствованием и хвалили психологический замысел новаторов. Возмущались отсутствием мнений ученых в прессе. Не понимали, если обещанное, конечно, не враки, почему в Японии не додумались до такого раньше?

Между тем финансовые дела кооператива находились в самом плачевном состоянии. Деньги таяли с немыслимой быстротой, а поступлений не ожидалось. Вот-вот «Вечность» должна была с позором исчезнуть. И сгинула бы в бескрайних просторах вечности, если бы не случай.

Однажды молодая домохозяйка, томившаяся в очереди за детскими колготками у магазина напротив кооператива, глянув вдруг на воскового мужчину, решила отдохнуть и заодно сэкономить пару часиков для гря-

душей радостной жизни. Решила, предупредила об этом стоявшего сзади, перешла улицу и храбро толкнула кооперативную дверь.

Вышла она из «Вечности» спустя некоторое время очень довольная, держа в руке официальную бумагу с печатью, в которой черным по белому значилось, что ей, домохозяйке, причитаются два часа двадцать восемь минут дополнительного пребывания на этом свете сверх отмеренного судьбой срока. А так как в тот момент ее очередей за колготками подошла, она их купила и возбужденно принялась разяснять окружающим неоспоримые выгоды своего поступка.

С того дня в «Вечность» повалил народ. Шли товароискатели из магазинных очередей, шли из начальственных приемных ожидавшие желанных резолюций на своих заявлениях, шли уставшие от несбывшихся надежд, шли любопытные старики, желавшие поглядеть вблизи на сияющие вершины коммунизма, шли даже школьники, которым надоели пионервожатые, комсорги, учителя и вся нынешняя система народного образования с ее обманными и скучными учебниками. Причем если поначалу приходили поспать на несколько часов, то постепенно все больше и больше людей оформляли сонные полисы на годы.

Короче говоря, «Вечность» очень скоро оказалась переполненной до отказа. Счастливые кооператоры открыли еще несколько филиалов своей фирмы, но и этого было мало, пришлось организовать обслуживание клиентов на дому. Люди постарше высказывали сожаление, что чудесный кооператив появился слишком поздно, иначе бы они заснули в эпоху позднего волонтаризма и проспали бы весь период застоя и первое десятилетие перестройки, а может быть, и вовсе до ликвидации ужасной командно-административной системы.

Наконец, настал день, когда в городе и его окрестностях уснул последний житель, и тут-то кооператоры в ужасе схватились за головы. Только теперь они поняли, какую совершили ошибку! И дело было вовсе не в том, что иссяк источник доходов, деньги вообще не на что стало тратить, исчезла всякая перспектива для них лично.

Во-первых, нельзя было покинуть Тучинск, поскольку десятки тысяч спящих, связанных с ними контрактами, нуждались в наблюдении, мало ли какие неожиданности могли вдруг произойти. Во-вторых, исключалась возможность заснуть самим, хотя каждый из них втайне надеялся, накопив денег, улечься в постель лет на триста, понимая, что ранее жизнь по-настоящему не наладится. В-третьих, нельзя обратиться за помощью в другие города, за содеянное по головке не погладят даже при самой совершенной демократии.

Пугало и то, что проснувшиеся начнут требовать блага, ради которых законсервировались, а это никак не могло быть выполнено по вполне понятным причинам.

Но самое печальное, что из создавшегося положения вообще не было никакого выхода; встань из гробов все великие умы человечества, и они бы не решили проблемы, потому что во сне ничего не происхо-

дит, если с вечера не вымыть посуду, то к утру она так и будет лежать в раковине грязной.

А время, проходящее над заснувшим городом, всякий раз удивляется, зеваает, но не задерживается ни на миг и спешит дальше. Время не может позволить себе останавливаться, несмотря ни на какие соблазны.

ЩЕДРЫЙ ИСТОЧНИК

По преданию, он находится на горе Геликон в Греции. Когда-то Пегас стукнул по земле копытом, и фонтан вдохновения забил из образовавшейся трещины. Люди, понятно, об этом узнали, а некоторые не поленились и отправились в дальний путь за волшебным даром. Их скорбный труд не пропал даром — человечество получило художественную литературу и стало ее читать с восторгом.

Наши современники, далекие от созидания литературных шедевров, порой не задумываются, что без тех неумных первопроходцев не было бы у нас ни песен, ни кинофильмов, ни целого ряда творческих союзов, ни театральных премьер, ни телевизионных сериалов, ни личных библиотек, ни многого другого, прекрасного и возвышенного. Не было бы и критики, поскольку отсутствовали бы сами объекты критики.

Однако раз и навсегда возникший процесс ширился, набирал силу и от века к веку радовал людской род. Писателей становилось все больше и больше, хороших и разных. История литературы знает немало примеров, когда даже близкие между собой родственники весьма в ней преуспели и стали знаменитыми. Достаточно назвать имена Гонкуров, Маннов, Дюма, не говоря уже об отечественной литературе, в которой, особенно в последнее время, появилось множество талантливых семей с подтверждающими их одаренность удостоверениями в карманах.

И это очень хорошо, поскольку микроклимат, в котором будущий корифей вызревает, благотворно способствует его становлению, и отпадает надобность тащиться за тридевять земель и лезть в гору в поисках вдохновения, тем более если в каждой отдельной писательской квартире бьет индивидуальный источник в непосредственной близости от письменного стола хозяина.

Именно такая участь выпала на долю Павла Мурикова. Его папа Тимофей Муриков (псевдоним Томас Мур) был известен, как автор нашумевшей в свое время поэмы «Двери настежь». Она поднимала проблему обучения детей плотницкому делу в дошкольных учреждениях и призвала при этом на уроках держать двери открытыми, дабы каждый мог поприсутствовать на занятиях и лично убедиться в полезности этого начинания. Вначале критика ошалело молчала, но, разглядев, что в художественном произведении не соблюдены правила поэтики, принялась

Мура топтать. И затоптала бы, не вмешайся тогда сам товарищ Захлебаев, курировавший идеологию в поэзии (кстати, они с Муром были из одной деревни). Он позвонил по телефону в Союз писателей и сказал, что Т. Мур растущий и к тому же периферийный, а таким должно принадлежать будущее. Словом, Муру дали с захлебаевской подачи зеленую улицу, потому что будущее будущим, а все живут в настоящем и не хотят неприятностей.

С того момента Т. Мур пошел в гору (в переносном смысле, конечно) и вскоре уже заведовал редакцией поэзии в солидном издательстве со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. К примеру, поэму «Двери настежь» и по сей день можно без труда разыскать в любой библиотеке, так как она многократно издавалась отдельной книжкой на языках всех народов и народностей нашей страны, имеющих собственную письменность.

Но Томас Мур действительно заботился о будущем. Он прекрасно понимал, что процент смертности среди людей равен ста и не хотел, чтобы его сын Павел, лишившись родителя, остался на бобах.

— Старайся, сын,— говорил он подрастающему Паше.— Поэзия может умирить человека, примеров тому не занимать, но может и хорошо прокормить при наличии поддержки и в режиме наибольшего благоприятствования.

Мальчик тоже все понимал, согласно кивал, но, видимо, этого было маловато.

Еще в школе стало ясно, что гуманитарные возможности Павла Мурикова не соответствуют требованиям времени и даже отстают от него на два-три столетия. Нельзя сказать, что подросток был туп ко всем наукам. У него были «четверка» по черчению, ненатянута «тройка» по математике, а преподаватель труда по столярному ремеслу и вовсе ставил Пашу в пример остальным. Дела не клеились в основном с русским языком и с литературой. Если ходит старая байка, что кто-то в слове «еще» сделал четыре ошибки, написав «исчо», то этим человеком мог вполне оказаться Павел Муриков. А художественная литература наводила на него такую тоску, что тут же срабатывало охранительное торможение — глаза сами собой смыкались, и Павел на уроках изящной словесности погружался в глубокий сон.

Учительница литературы, конечно, знала, что Муриков — сын преуспевающего поэта, перевернувшего в ее консервативной голове все представления о поэзии, и хотела бы вызволить Пашу из гуманитарной спячки, но задача эта оказалась безнадежной.

Сын Мура не воспринимал художественные образы, путал Катерину из «Грозы» с Катюшей Масловой или с Екатериной Измайловой, а однажды развеселил класс, заявив, что Стендаль написал «Пермскую обитель», произвольно приняв Пермь за Парму и доведя этим бедную преподавательницу до нервной икоты. После того случая она отказалась от своих благих намерений, перестала глядеть в сторону Мурикова, прекра-

тила вызывать его на уроках и, если по рассеянности вдруг встречалась с ним глазами, начинала охать, вздыхать и, повернувшись к ученикам спиной, выводила на доске мелом число дней, оставшихся до пенсии, чтобы хоть немного успокоиться.

Однако время шло, молодой Муриков окончил школу (все оканчивают школу) и поступил в Литературный институт. Как он туда попал, навеки останется тайной. Злые языки утверждали, что за годы, проведенные Пашей в стенах института, все руководство вуза и значительная часть его профессорско-преподавательского состава широко печатались в издательстве, где трудился Томас Мур, причем не были забыты ни сотрудники отдела кадров, ни бухгалтерии.

Но все это уже в прошлом, сейчас Павел Муриков на коне. Его поэтические сборники можно приобрести в любом книжном магазине как в городе, так и в деревне. Если их не расхватывают, то лишь потому, что не все способны постичь глубину его творчества, проникнуть в которое пока еще остается уделом избранных. Конечно, за столько лет он несколько образовался, кое-что усвоил и теперь уже не спутает Пермь с Пармой. Кроме всего, он стал осторожнее и старается без крайней нужды не ввязываться в беседы коллег. Правда, с грамотностью так ничего и не получилось. Нынешние злые языки уверяют, что муриковские стихи переводит на русский его жена-домохозяйка. Рецензии на его книги всегда хвалебные, а самого автора называют самобытным.

Томас Мур сильно постарел, но на пенсию не собирается и два-три часа в неделю по-прежнему проводит в своем кабинете.

— Ни дня без строчки! — любит повторять старик. — Пока позволяет здоровье!

У Павла Мурикова растет сын, которому тоже прочат литературную будущность, поскольку яблоко никогда еще далеко не падало от родимого дерева.

— Поэзия стала что-то не того, — говорят одни литераторы, когда речь заходит о династии Муриковых.

— Поэзия ни при чем! — возражают другие. — Она лежит в столах и ждет своего часа. Ей не по душе семейные традиции.

— Знаете, что такое традиция? — острят третьи. — Это когда дети повторяют глупости родителей.

— Ничего себе глупости! — вздыхают четвертые. — Муриковых в глупости не обвинишь! Пегас виноват. Впрочем, что с него взять. Пусть с крыльями, но все равно — лошадь!

БОРЬБА НАЧАЛ

По разнарядке вышестоящей организации коллективу был выделен один автомобиль «Жигули». Ранее коллектив тоже кое-что получал из дефицита — моющие средства, сайру в банках, сочинения классиков социалистического реализма, дрожжи, но об автомашине и помыслов не было. А тут — на тебе!

Конечно, каждый в душе взалкал. Потому что одни уже давно мечтали о машине, а иные посчитали, что не следует упускать случай заработать, учитывая разницу между магазинной стоимостью средства повышенной опасности и рыночной. Даже старая уборщица, умевшая водить только мокрой тряпкой на палке по паркетному полу, заявила, что она тоже от своих прав ни за что не откажется.

Знаменательно, что у всех без исключения оказались деньги на дорогую покупку, хотя было точно известно из постоянного нытья и бесконечных жалоб о всеобщем и беспросветном безденежье. Короче, коллектив повел себя, как чайник со свистком, который рассеянная хозяйка забыла снять с плиты и ушла поболтать с соседкой.

Поскольку на дворе стояла эпоха гласности и полной открытости, было решено создать общее собрание и с помощью плюрализма мнений и голосования определить, кому «Жигули» достанутся.

— Давайте, товарищи, хорошенько подумаем, — произнес заведующий нерешительно, изображая на лице крайнюю озабоченность. — Может, предоставим привилегию одному из наших лучших производственников?

Наверное, этого как раз и не следовало говорить. Всякий считает себя лучшим из лучших, а остальных по меньшей мере тупицами, разгильдяями или тунейдцами, от которых никогда не дождешься признания своих достоинств. Поэтому в ответ раздался негодующий вопль.

Когда страсти немного поутихли, какой-то малограмотный тенор проблеял:

— Жербий надо!

— Жребий, а не жербий, — поправил интеллектуальный баритон.

Но и жеребьевка не пришлась по вкусу. Любой понимал, что вероятность вытащить счастливую бумажку ничтожно мала, провидение часто оказывалось слепым, а видеть впоследствии наглеца, приезжающим на работу в собственном автомобиле, представлялось невыносимым.

Предлагали отдать машину самому многодетному или наиболее низкооплачиваемой, проявляли заботу об инвалидах, пенсионерах по старости, комсомольцах и гипертониках — ни одно из мнений не восторжествовало!

Вдруг профорга осенила блестящая мысль:

— Поверьте, товарищи, нас задушит плюрализм! Давайте обратимся за советом к Богу.

Все замолкли. Действительно, плохо ли получить ответ в столь слож-

ной ситуации от Бога, когда возможности составляют примерно сотую часть потребности, но как это сделать? С одной стороны, Бога вроде бы нет, а с другой — не станет же профорг даром сотрясать воздух? Может, есть какие указания на этот счет, возможно, ликвидировано еще одно «белое пятно»? Пятно пятном, но захочет ли неведомо откуда появившийся Бог распределять дефицит в их сравнительно небольшом коллективе? Наверняка у него куча более важных дел!

— Сделаем так, — продолжал профорг. — Пригласим священника из нашей епархии, пусть разберется. Безусловно, он не Бог, но в некотором роде его подчиненный или, скажем, представитель. Не случайно же церковники заседают ныне во многих комитетах и комиссиях, дают рекомендации политикам, экономистам, ученым, даже блаженные и всякие там юридические вошли в силу, правда, пока еще без права распоряжаться материальными фондами. Кто поручится, что будущее не за ними?!

— Идет борьба начал, — скорбно кивнул заведующий, облизнув толстые губы и мельком глянув на свою секретаршу. — Не исключено, что духовное победит.

Логика и здравый смысл, прозвучавшие в словах профорга, вошли в сознание членов коллектива легко и просто, мгновенно преодолев его материалистическое сопротивление.

На следующий день приглашенный отец Серафим вещал:

— Дорогие братья и сестры! Человек создан по образу и подобию господа нашего, стало быть, и поступать должен соответственно. Говорю вам, нельзя делить неделимое, то не хлеба Иисуса. Пожертвуйте оную машину, греховное детище прогресса, на нужды православной церкви, дабы служители ее могли беспрепятственно и споро развезить милосердие и нравственность, в коих великая нехватка. Даже телевидение сие признает. Поступитесь презренной материей! Внесите свою лепту и благословенны будете!

Выступление батюшки было выслушано со вниманием, награждено бурными аплодисментами, и все без исключения проголосовали в пользу матери-церкви.

Едва отец Серафим отбыл восвояси, всеми овладело благоволение. Гордые содеянным благом, члены коллектива принялись стихийно христосоваться и просить друг у друга прощения, не сообразив по обрядовой неграмотности, что до пасхи еще далеко. Заведующий истово лобызался с аппетитной секретаршей, да так профессионально, будто у него в этом деле был большой опыт. Менее повезло профоргу, которому в партнерши досталась старуха уборщица, но он стойко вытерпел процедуру до конца, поскольку был приучен не к таким трудностям, ежемечасно собирая членские взносы.

С того дня коллектив можно было с уверенностью называть самым религиозным в городе. Сотрудники, являясь по утрам на службу, отвечивали друг другу поясные поклоны, читали молитвы, после обеда пели

псалмы, а если случалось зевать над деловыми бумагами, тут же крестили рты. По пятницам регулярно приезжал отец Серафим, очень довольный своими миссионерскими успехами, рассказывал о житии святых, а напоследок принимал дары. Сотрудники, умеряя свои вожделения, вручали ему оставшиеся после дележки стиральный порошок или ту же сайру, из-за которых в прошлом было столько ссор, грызни и злобствования.

И, наверное, сподобилась бы обращенная паства, покинув в положенные сроки земную юдоль, вечного блаженства, если бы не козни лукавого, видимо, проникшего в вышестоящую организацию. Это он ввел не совсем духовно созревший коллектив во искушение, неожиданно прислав двадцать пар замечательных дамских сапог австрийского происхождения.

Мгновенно все благочестие как ветром сдуло. Никто уже не стал слушать профорга, предложившего решить участь редкого товара с помощью отца Серафима.

— Никаких попов! — закричали женщины революционными голосами. — Разберемся! Мужикам не давать! Плевать на их жен! Пусть у себя на работе получают! Домохозяйки?! Пусть босиком ходят, дома сапоги не нужны!

Пикантная секретарша с атеистическим блеском в злых зеленых глазах, сжав кулачки, наступала на заведующего:

— Чего молчишь, ханжа?! Начальник ты или не начальник! Вынь да положи сапоги! Святоша! Аморальник толстогубый!

А старая уборщица, размахивая мокрой тряпкой, вдруг хрипло запела песню своей бесшабашной якобинской юности: «Долой-долой монахов, долой-долой попов! Мы на небо залезем, разгоним всех богов!»

Так что с вечным блаженством пока ничего не вышло. Какое может быть блаженство без красивых сапог? А если бог такой умный и все может, с этого бы и начинал. Сейчас уже любой младенец знает, что материя первична, попробуй морочить его сказками и вовсе не давать киселя!

Кто там о жизни? Жизнь! Что жизнь! Самая обыкновенная форма существования белковых тел.

ЛУК

По дороге из редакции домой прозаик Журавлев зашел в магазин и купил килограмм репчатого лука. Лук был хороший, крепкий, на килограмм вышло восемь луковиц, значит, каждая из них весила в среднем сто двадцать пять граммов. Журавлев положил пакет с луком в портфель и вышел на улицу.

Если его надежды сбудутся, сколько же лука можно будет купить на

все деньги? Получилось до несуразности много, более четырнадцати тонн! Жена как-то говорила, что человеку в день требуется граммов двадцать, короче, пятьдесят на двоих. А в год? Надо умножить на триста шестьдесят пять. Та-а-ак! Грубо ориентировочно — восемнадцать кило. Следовательно, на десять лет понадобится сто восемьдесят килограммов, а на сто лет около двух тонн. Куда девать остальные двенадцать тонн? И кто сказал, что они проживут на свете еще сто лет? Это же полная дичь! При самом благоприятном раскладе осталось лет тридцать, не больше. Так что пятисот килограммов хватит до самой смерти, а практически и того меньше.

Журавлев расстроился. Впрочем, надо смотреть на жизнь философски, хотя без реалистического подхода к ней тоже не обойтись. Здравый смысл подсказывает, что рассчитывать на прижизненное издание его романа не приходится. Потом, конечно. Потом он выйдет огромным тиражом, повсеместно появятся хвалебные рецензии, литературоведческие исследования. Телевидение тоже не останется индифферентным, закажет известной киностудии телесериал недели на три. Найдется и биограф, который распишет всю журавлевскую жизнь любо-дорого.

Предположим, все так и будет. Но он-то, Журавлев, ничего подобного не увидит. И жена его не увидит, и друзья-враги не увидят, и вообще никто из современников. Стало быть, речь может идти о потомках. А что потомки! Потомки воспримут роман и самого автора как абстракцию, такова судьба всех классиков, которых изучают в школе. Пусть пройдет хоть двести лет, произойдет уйма перемен, но преподавателей литературы они не коснутся. Преподаватели по-прежнему будут твердить, что Журавлев нарисовал яркую картину, отразил, отобразил, выразил и тому подобное, а персонажи его романа — всего лишь продукты эпохи. А Журавлева представят работоспособным, скромным, терпеливым, морально устойчивым и отметят, что по дороге домой он иногда покупал лук.

Нет, это он хватил! О луке никто не скажет, даже школьный учитель. Во-первых, этого никто не знает, а во-вторых, о великих такие вещи не говорят. Нигде нет указаний, что Пушкин, например, или Толстой когда-либо покупали лук. Может, они действительно этим не занимались лично, пусть это делали за них Наталья Николаевна или Софья Андреевна, но, безусловно, и они что-то покупали. Только памятники ничего не покупают, а живые люди нет-нет и зайдут вдруг в магазин.

Памятник и Журавлеву могут поставить, место найдется. Взять хотя бы пустырь около их дома, который со временем обязательно благоустроят. Будут митинг, толпа народа, фотокорреспонденты, кинооператоры, сдернут покрывало, и Журавлев предстанет перед всеми во весь свой гранитный рост. Жаль, не удастся ему самому посмотреть!

Вот он, пустырь. Наверное, памятник лучше всего установить там, где сейчас навалены ржавые трубы. Или чуть левее, на месте кучи стро-

ительного мусора? А-а-а! Пусть будущие архитекторы и скульпторы ломают над этим головы, ему без разницы.

Собственно, насчет памятника вилами на воде писано, но в принципе такой вариант возможен, как ни ничтожно мала вероятность. А вот его редактору о памятнике и мечтать нечего, не будет ему памятника во веки веков! Вообще редакторам не ставят памятники, во всяком случае, Журавлев такого не помнит.

Дома Журавлев отдал жене лук, а сам сел за рукопись, которую ему вернули в издательстве для доработки. Доработка продолжалась уже одиннадцать лет, и он порадовался, что на этот раз вопросительных знаков на полях не так уж много: чтобы их стереть, понадобится не более двух часов. Впоследствии, конечно, вопросительные знаки появятся в других местах, но это уже потом, при очередной доработке. Но это не должно смущать ни одного истинного художника, бредущего по пути к бессмертию.

Жена крикнула из кухни, что он купил очень хороший лук, просто замечательный. Журавлев отложил ластик и благодарно улыбнулся — всегда приятно, когда деяния твои при жизни находят понимание и отклик.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория относительности	2
Сметана	4
Золотые сны	10
Шарада	11
Пу!	13
Радикал	16
Помидоры	20
Благое намерение	23
Первые	26
Закон наихудшего решения	30
Человек и Волк	32
«Вечность»	36
Щедрый источник	39
Борьба начал	43
Лук	45

НАУМОВ Леонид Наумович

ЗОЛОТЫЕ СНЫ

Редактор Я. А. Полищук
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 08.06.90 Подписано к печати 13.07.90.
А 00345. Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отг. 2,45. Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 75000.
Заказ № 2434. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ОТ АВТОРА

Родился в самом начале нэпа, когда в продуктах не было ни «химии», ни «ядерной физики», над утренней Москвой разносились звуки благовеста, а слово «экология» было достоянием ограниченной группы ученых.

Видимо, эти обстоятельства позволили благополучно окончить школу, потом медицинский институт, на фронте не получить ни единой царапины, прослужить много лет в армии, пережить «дело врачей» и вообще все «периоды-времена», работая к тому же в сатирическом цехе. Короче, добраться до перестройки.

Теперь задачу вижу в том, чтобы, преодолев перестроечный процесс, зажить в свое удовольствие. Если же упомянутый процесс, в силу отсутствия консенсуса в обществе, затянется, согласен ждать сколько угодно, благо человеческий мозг рассчитан на тысячелетия и способен выдавать юмористические сюжеты без ограничений.

Хотелось бы только, учитывая несовершенство сердца, печени, легких и разных сосудов, своевременно менять их на новые. Впрочем, дело это пустяковое, поскольку отечественная медицина движется вперед с головокружительной скоростью.

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1990. № 18. 1—48.

